

Полынь Половецкого поля

Автор:

Мурад Аджи

Полынь Половецкого поля

Мурад Аджи

Это третье издание книги, которая никого не оставляет равнодушным: одни читатели восторгаются, другие, наоборот, не соглашаются с ее выводами, и все равно она – особенная, потому что вывела автора на просторы Великой Степи. К корням российской истории, которая вопреки принятому мнению началась вовсе не в IX веке, а много раньше.

Мурад Аджи

Полынь Половецкого поля

Эту книгу не надо читать тому,

кто не знает пьянящего

запаха полыни,

будоражащей кровь

емшан-травы.

И тот, кто в вороном коне

не видит гарцующей красоты,

а в степной песне —

услады сердцу,

пусть тоже отложит ее,

и он не поймет автора.

Пожалуйста, не берите ее

и те, кому не интересно

прошлое и будущее,

кому безразличны

предки и потомки.

Она не для вас.

Мурад Аджи

Из родословной азербайджанцев, американцев, англичан, башкир, болгар, венгров, гагаузов, грузин, испанцев, итальянцев, казаков, казахов, киргизов, корейцев, крымских татар, кумыков, монголов, немцев, русских, сербов, татар, турок, узбеков, украинцев, французоз, хорватоз, чехоз, чувашей, якутов и других народов, чья история тесно связана с Великой Степью.

От автора

«Кто есть я?», «Что есть мои корни?» Подобные вопросы наверняка задавал себе каждый. Но не все находили ответ. Думаю, из сотни читателей лишь единицы назовут своего деда или прадеда, расскажут о них; о седьмом или двенадцатом колене не говорю... А ведь с корней, с обычаев, с традиций начинается всякий народ. Иначе он не народ – толпа.

Семь долгих десятилетий из нас делали серую толпу – безродный «советский народ». Тогда умело подрубали корни народам, отправляя их в небытие. Много удалось. Так, в царской России проживало 196 народов, а в Советском Союзе осталось около 100. Половину искоренили. Не людей – народов! Исчезли со своей историей, культурой, традициями. Особенно пострадал Кавказ. Его терзали еще в царское время. Династия Романовых активно вела это постыдное дело.

В чехарде фактов и лжи, за века пронизавшей Россию, потеряны поколения, зачеркнуты целые исторические эпохи. Их теперь как бы нет в российской родословной. А они были!

Россиян издавна заставляли забывать свое прошлое, забывать своих предков и себя. Это давняя традиция. Были времена, когда прятали даже семейные фотографии и альбомы, боясь, как бы чего не вышло. Как бы не навредить себе и особенно детям. Страх заставлял людей прятаться и забывать... Вырастали желанные кому-то невежды – иваны, не помнящие родства. Было.

А корни, даже подрубленные, все равно напоминали людям о себе: ведь собой, своим существом, мы повторяем предков. Повторяем в характере, во внешности, в умении понимать окружающее. И думать. Народ нельзя уничтожить, он неуничтожим. Значит, мы такие же, как они, наши предки. Они не исчезли, мы – их наследство, их семья. Таков закон продолжения жизни. Народы действительно не исчезают. У людей исчезает память. И то лишь на время.

У нас теперь двойная родословная: та, что была, и та, что для нас придумана.

Вытравливать из людей память начали не в 1917 году и не при Романовых. Раньше, намного раньше. Возьмем Киевскую Русь, с нее ведут историю России. Мол, «пришли славяне на берег Днепра, заложили в IX веке стольный Киевград...». С этой первой фразы, вынесенной со школьного урока истории, мы получали кривое зеркало, в котором всю жизнь видели только изуродованное

прошлое. Зубы дракона посеяны.

Кто были тогда славяне? Никто! Ни один античный автор о них не упоминал. Писали о венедах, которые жили в Центральной Европе (в долине Вислы и Одера) до V века, до прихода Аттилы. О венедах, которые довольствовались собирательством и затем, спасаясь от врагов, скрылись в лесах Восточной Европы. Вот где корни славянства.

Эта история хорошо известна мировой науке. О ней знали латинские авторы I века, упоминал ее и римский историк Иордан. Венеды были одним из диких и отсталых народов Европы, жили по первобытным правилам. Они не знали железа, не видели городов. Лишь невольничьи базары оставила им римская цивилизация.

Как же могли эти «первобытные» люди построить на берегу Днепра город удивительной красоты? Да еще вдали от мест своего обитания?.. На чужбине.

С загадок начинается история России. С необъяснимых загадок. В книге русского историка Сергея Михайловича Соловьева нахожу затерявшуюся фразу, которая вроде бы ставит все на свои места: пришли в IX веке славяне к варягам и говорят (цитирую по Соловьеву): «Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами».

Теперь, кажется, понятна история с Киевом, она уже чуть-чуть похожа на правду – в Скандинавии до IX века люди жили в городах, знали, как строить город, для чего он нужен. А это очень важные знания, ибо они поднимают общество с одной ступени развития на другую. Построить город – значит поменять образ жизни, хозяйство, армию, что, собственно, и случилось у скандинавов в VII веке... Просто так в жизни народа ничего не бывает. Нельзя прийти и построить то, чего ты никогда не видел.

Однако даже если варяги и помогли построить Киев, то возникает новое осложнение. Киев старше любого скандинавского города, археологи давно доказали это. Он возник в конце IV – начале V века, когда в Скандинавии городов еще не было. Разве не загадка?

А почему свое государство славяне называли словом «Русь»? Тоже неясно. Правда, объяснений тут полно, но очень уж они невразумительны. Опять у

Соловьева нахожу ответ: «Русью назывались варяги». Отсюда вывод: русский – значит не славянский, а скандинавский. В начальном своем понятии. Этим словом скандинавы называли свои заморские владения, некие княжества или ханства. У них было, кажется, пять или шесть «Русей», в том числе и Киевская. Главная их Русь лежала по побережью на север от Стокгольма, она и сейчас там. И, разумеется, славяне (венеды) ни к ней, ни к заморским странам варягов не имели даже малейшего отношения.

Историю России пора приводить в соответствие с реальностью. Это заказ времени...

В этой книге речь пойдет не о Руси, а о Великой Степи. О Дешт-и-Кипчаке, забытой ныне стране, в которой жили мои предки – половцы. Себя они называли кипчаками, говорили по-тюркски. Это на их земле в IX веке возникла Киевская Русь, и тому предшествовала долгая история. (Не по мановению же волшебной палочки и не на необитаемой планете появился в V веке город Киев, кто-то построил его.)

Никому невдомек задуматься: а что означает слово «киёв»? Так его произносят киевляне. Ни с одного славянского языка не переводится это тюркское (половецкое) слово: «киёв» – «зять». Историю-то России ведут с кипчакского города, который в IX веке захватили варяги, то есть русы. Отсюда – КИЕВСКАЯ РУСЬ. (Легенда о Кие – это литературное сочинение, нехитрая сказка о славянах-градостроителях.)

Почему Киёв кипчакский город? Ответ прост: Великая Степь не была страной кочевников, до IX века там стоял не один, а много городов. Десятки. Среди них – Киев, город чьего-то зятя... Правда, сначала он назывался Баштау. А вся местность – «каганат Украина» (тоже тюркские слова). Все это давно известно, так что открытия в моих словах нет.

Известно из средневековых карт, из книг арабских и западноевропейских путешественников того времени, они неплохо рассказали о тех городах, отмечая их хорошие укрепления. В столичных центрах обитала аристократия, там были базары и храмы, куда приезжали люди со всей округи. Иные жители Дешт-и-Кипчака с IV века были христианами, от них религия пришла к язычникам-венедом. А в V веке (в 449 году) Кипчакскую епархию зарегистрировали на Эфесском церковном соборе под названием «Скифская».

Много, очень много неясного в недрах российской истории.

Появлению России предшествовало славное время – Великая Степь! Она вовсе не была «проходным двором», как принято о ней говорить. Каких только «народов» не придумали ей отечественные историки: половцы, печенеги, куманы, кумаки... Каскад имен, венцом которого стали «поганые татары». Однако итальянец Плано Карпини, побывавший в Степи в 1246 году и видевший ее жителей своими глазами, все расставил по местам. «Эти народы, – писал он, – имели одну форму лица и один язык, хотя между собой разделялись по областям и государям (здесь и далее выделено мною. – М. А.)».

То был тюркский народ и тюркский язык!

Я называю жителей Дешт-и-Кипчака их словом – КИПЧАКИ, веду биографию степного народа с Алтая, от тюрков. Алтай – колыбель России, утверждаю я в своих книгах. И не только России, но и всей современной Европы, Среднего Востока. С Алтая началось Великое переселение народов, которое неузнаваемо преобразило античный мир, коснулось многих уголков континента. Под ударами степняков пала Римская империя, центр языческого мира.

Теория «диких кочевников» ждет пересмотра. Хватит низводить тюркский народ до дикарского уровня. Хватит плести про моих предков небылицы и выдавать их за отечественную историю. Я хочу знать правду о себе и имею на это право.

Уже много веков сознательно унижается тюркская культура. Это правило ввела Римская церковь еще в V веке, на I Римском соборе в 494 году. А далеким отголоском ее решения стал приказ Петра I: «Басурман зело тихим образом, чтобы не узнали, сколько возможно убавлять». И убавляли. Всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

Особенно постарались при Советской власти, тогда «уничтожали» целые народы. Первыми пострадали казаки, сложившие головы за то, что досталась им в наследство кровь половецкая, а с ней честь, доблесть, верность присяге. Такими в жизни были кипчаки-половцы...

Конечно, эта книга не бесспорна, но она написана не холодной рукой. С чистыми помыслами брался я за перо. Думаю, мои чувства разделит бы русский историк Н. Я. Аристов, который задолго до меня сказал: «Верное и точное изучение

исторической жизни дает самое лучшее средство для понимания ее в настоящую пору». Вот зачем нужна эта книга.

«Говори правду, а правде никто не воспротивится», – учит древнее правило Алтая.

Знаю, услышав слова «половец», «тюрк», «татарин», воображение каждого само нарисует звероподобного дикаря с раскосыми глазами, кочующего по степи. Только и умел тот дикарь грабить и убивать несчастных славян. А потом, в XIII веке, степняки вдруг куда-то «исчезли», и славяне, облегченно вздохнув, стали править миром.

Как же убийственно невежественны мы... Мало кто из россиян догадывается, что он и есть кипчак, половец, степняк. Таковых, думаю, сейчас 50–80 миллионов человек. Не меньше. И это только в России. Синеглазых, светловолосых, коренастых, совсем не раскосых манкуртов... О людях с восточной внешностью, с «ястребиными глазами» вообще молчу, им сам Бог велел называться кипчаками. Их лица классические.

Кипчаки не исчезли, их поработили! Не славяне, конечно.

История человечества не знает примеров исчезновения народа. Мирное население не уничтожали даже при самых страшных средневековых нашествиях. ГУЛАГ – это советское изобретение, там начали уничтожать народы, отправляя их в вечную ссылку. Прежде жителей поверженной страны, особенно женщин и детей, а также ремесленников, брали в рабство, ставили в унижительное положение, над ними издевались. Но лишить генетического наследия не могли.

И верно, антропологи, изучая кости, найденные в курганах VIII века, не отличают их от материала могильников XIII века. Антропологически одинаковые! Коренные жители Степи, например казаки или кумыки, по сей день хранят внешность предков. Воистину народ нельзя уничтожить. «Казак от казака ведется», – говорят в народе.

В Тульской области, например, совсем рядом с Москвой, встречаются знаменитые половецкие бабы – статуи, служившие степнякам ориентирами. Кроме них сохранились географические названия, их тысячи. О древнем народе

напоминают курганы-могильники. Курганы, как правило, разграблены, но они открыли археологам предметы быта степняков, которые «умирали» вместе с хозяином.

Золотые блюда, ювелирные украшения, изящные статуэтки – эти счастливые находки приводят в восхищение ценителей искусства... И тотчас забывается, что великолепные произведения искусства созданы руками «диких кочевников».

К сожалению, еще меньше известно о духовной культуре кипчаков – что-то уничтожило время, что-то люди. А ведь духовную культуру Великой Степи венчала вера в Бога Небесного.

В 312 году языческий Рим узнал о ней, тогда степные всадники впервые разбили армию Рима и у стен побежденного города прочитали молитву. На тюркском языке звучала она, а в ней рефреном – слова: «Ходай алдында бетен адэм ачык булсун» («Каждый человек должен предстать перед Богом с открытой душой»)... Конечно, эти знания – крохи, раскиданные по миру, они не позволяют судить о культуре кипчаков, но они позволяют задуматься над ее глубиной.

Не мог же народ, сотворивший произведения искусства, быть «диким»? Иметь литературу и письменность, но быть «бесписьменным»?.. Хотя, кто знает, далеко ли время, когда человечество изумленно ахнет, узнав о пустой странице своей истории? Есть версия, будто в XIII веке, когда судьба Великой Степи висела на волоске, кто-то из ханов спрятал в Кавказских горах библиотеку – целый караван книг.

Возможно, это слух. Но... на Кавказе, мне говорили, находили подобные книги.

Действительно, кипчаки – «белое пятно» в истории человечества. И в истории России, разумеется. В современной русской речи столько тюркских слов и выражений, что без них она уже невозможна. Едва ли не половина. Мы их даже не замечаем. Карман, деньги, товар, колбаса, изба...

Опять и опять приходят ко мне вопросы: «Кто есть мы?», «Что есть наши корни?»

Когда о кипчаках ничего не знаешь, то нынешний учебник истории вполне устраивает – ну исчезли и исчезли. У меня сложилось иначе: представляете, я почувствовал себя кипчаком! Запах полыни открыл мне мир. Будто Бог

прикоснулся ко мне. С того мгновения я стал другим. Старая жизнь кончилась. Невероятно, но факт – у меня появились корни, я ощущаю их тепло, и мне легко жить.

А началось все с поездки в Дагестан, который толком я никогда прежде не видел.

Москва, 2000 год

P.S. Прошло шесть лет с выхода второго издания «Полыни...». Книга находила новых читателей, оставаясь библиографической редкостью. Сейчас вижу – что-то в ней было игрой интуиции, голосом сердца. И этим дорога мне «Полынь...». Она – веха, с которой началось мое познание Родины. Задумывая переиздание, я не менял старый текст, хотя в разработке темы ушел далеко вперед. О том мои новые книги и сайт <http://www.adji.ru>

Открытие самого себя

Вдали, в розовом тумане восходящего солнца, среди степи виднелось что-то неясное, огромное: не то синеющий лес, не то застывшее облако. Но то был не лес. И не облако.

– Аксай, – безразлично произнес шофер. И я почувствовал, как забилося мое сердце. Вот уже обозначились дома. Много низких домов с покатыми крышами, с огромными верандами, окруженными садами. Вот уже ясно различались трубы, над которыми зависли белые клубы дыма... А сердце не унималось, искало выход наружу.

Аул Аксай – родина моих предков. Здесь родился мой прадедущка Абдусалам Аджи[1 - Пусть простят меня предки, ведь по кумыкским обычаям я не имею права называть полным именем старших. Но как иначе рассказать нашу историю?], и все радовались его появлению: без усталости палили из ружей в воздух, гарцевали, праздновали несколько дней подряд, так велел обычай. Человек родился! Сюда, в Аксай, прадедущка привез свою первую жену –

чеченскую красавицу Батий, а всего у него было четыре жены, Батий была старшей. Первенца они называли Абдурахманом, в честь моего прапрадедушки, потом у них родилось еще одиннадцать детей, но лишь шесть выжили. Среди них – Салах, мой дедушка. А вот дети Салаха уже не знали Аксая. Дядя Энвер родился в Санкт-Петербурге, потому что там дедушка жил и учился на инженера, там он и женился. Отец мой увидел свет в Темир-Хан-Шуре, тогдашней столице Дагестана, где ненадолго после Петербурга поселилась молодая семья инженера, ведь бабушка закончила консерваторию по классу фортепьяно, в Аксае ей не хватало бы общества. Тогда окружению придавалось очень большое значение...

С тех пор столько воды утекло. Далеко разбросала плоды наша аксайская яблоня. Когда я ехал в аул, то не знал о ее щедрости, даже не догадывался – в нашем доме, как и во многих других, не принято было вспоминать. Никогда! Ничего!

Я родился и вырос в Москве, окончил университет на Ленинских горах, защитил диссертацию, учил студентов, объездил страну вдоль и поперек, написал много статей и книг и всю свою жизнь верил, что история фамилии Аджиевых началась после 1917 года... Как же долго тянулась болезнь.

К счастью, есть голос крови! Он и заговорил, когда в конце 80-х годов я поехал в Аксай, старинное кумыкское селение на севере Дагестана, искать свои корни.

Когда побываешь там, задумаешься: а верно ли, что Дагестан – «страна гор»? Будто нет там Кумыкской равнины, огромной, бескрайней, где степь разглажена ветрами, распахнута солнцу – открытая, гостеприимная, добрая. Такие же и люди, веками живущие здесь.

Степной Дагестан... Что известно о нем? Да и вообще, кто-нибудь вне Дагестана слышал о кумыках – моем народе? А еще сто лет назад наш язык был языком общения на Северном Кавказе. Из далеких горских селений приходили в наши аулы учиться кумыкскому языку и культуре.

Понимаю, рассказывать о своем народе сложно – всегда рискуешь либо что-то упустить, либо преувеличить. Поэтому буду говорить о себе и своей фамилии, когда-то знатной и уважаемой в Дагестане, об Аджиевых, о том, что сделали с нами. К сожалению, наш род разделил судьбу кумыков и всех тюрков. Это, увы,

не преувеличение.

Брокгауза и Ефрона, их знаменитый Энциклопедический словарь, нельзя упрекнуть в предвзятости, меня – можно. Поэтому поведу свое «кумыкское» повествование с запечатленных в этом словаре слов: «...В кумыкских песнях отражается нравственный облик кумыка – рассудительного и наблюдательного, со строгим понятием о чести и верности данному слову, отзывчивого к чужому горю, любящего свой край, склонного к созерцанию и философским рассуждениям, но умеющему повеселиться с товарищами. Как народ более культурный, кумыки всегда пользовались большим влиянием на соседние племена».

Такие вот слова. Добавить к ним нечего.

Аджи был род воинов, потомственных военных, поэтому к имени мужчины полагалась приставка «сала» – Абдусалам-сала, например. Любовь к коню, оружию, воле приходила к ним с молоком матери, а уходила вместе с душой.

Сейчас я отойду от своей родословной, чтобы взглянуть на ту благодатную почву, которая растила наши корни, кормила их – кто же они такие, кумыки? Найти ответ на этот вопрос не просто: слишком уж многое переплелось в истории. Слишком изменилась жизнь за прошедший век. Слова из старой энциклопедии безнадежно устарели. О культурном влиянии кумыков даже говорить нельзя. Его нет.

Когда-то горцы, спускаясь на Кумыкскую равнину, толпились на базарах в ожидании самой грязной работы. Теперь на их месте стоят кумыки. Симпатичные, здоровые парни готовы месить глину, убирать навоз, пасти скот, сторожить урожай. Народ выродился. Ни одного известного ученого, поэта, писателя, артиста или врача. Дальше Дагестана никто не пошел. И это полбеда.

Хуже другое – никто и не нужен ему...

Когда вчитываюсь в иные книги, одолевает недоумение: что же, мы, турки, – народ без гордости? Что, всегда были такими серыми и скучными? Но об этом уже пишут, между прочим, кумыки по национальности. Сами низводят свой народ до дикарского уровня.

Как можно поверить, что кумыки – это выходцы из лакского селения Кумух? Однако есть такая «научно обоснованная» точка зрения. Несерьезной, иначе не назовешь и «теорию» о кумыках как отюрченных аварцах и даргинцах. Несерьезной, потому что достаточно увидеть кумыка, услышать его голос, чтобы понять принадлежность народа к иному, не горскому миру. Ничто не отличает кумыка от татарина, карачаевца или башкира. Ни внешне, ни внутренне. Увы, именно за антинародные «теории» присуждали ученые звания и степени, вот и старались кумыки в угоду властям.

Много говорили когда-то о богатстве духовного мира кумыков. По крайней мере еще в XIX веке. Их образ жизни, одежда, быт, культура имели свое неповторимое лицо, поэтому и называли их «кавказскими татарами». Разве это не свидетельство, оставленное Толстым или Лермонтовым? Кумыки – тюркоязычный народ. Быть тюрком, по-моему, не очень плохо. стыдно быть плохим тюрком.

Я – не лингвист, слаб в топонимике, поэтому не буду искать созвучий в языках народов Дагестана, в географических названиях и на этом строить повествование. Это уже сделали другие. Олжас Сулейменов убедительно показал, как опасно быть «русским» тюрком... Не буду копаться и в именах народов и там искать историю кумыков, ибо это тупиковый путь, разобраться здесь невозможно. Вот пример тому. «В степи Дагестана кто живет?» Лакец ответит: «Народ арнильса». Даргинец скажет: «Диркъалан», аварец: «Лъарапал». Получилось три имени одного и того же народа – кумыков. Спросили бы лезгина, было бы четвертое имя, а с ним и четвертый «народ».

Моя специальность связана с географией, историей и экономикой, науками строгими и точными. Поэтому у меня взгляд на Историю особый – «экономико-географический», им взирал на мир и Лев Николаевич Гумилев, которого считаю своим учителем. Я тоже прежде всего ищу факты. Неопровержимые факты. Так нас учили в университете. Потом делаю выводы.

С легкой руки Расула Гамзатова Дагестан стал «страной гор», там теперь все горское. Разве? Забыли, что горные птицы летают далеко не везде, над половиной территории в небе парят степные орлы... Конечно, это – сравнение, однако оно очерчивает земли кумыков: предгорья и весь степной Дагестан. Степной, то есть равнинный!

В Дагестане кумыки всегда делили себя надвое, иначе (без споров!) они не были бы тюрками. Тюрки вечно спорят между собой – кто лучше, чей род древнее, а значит, важнее. Так поступали северные и южные кумыки, проведя водораздел по реке Сулак.

Деление это не случайно, оно интересно тем, что северные и южные кумыки по-разному произносят отдельные слова, имеют разную внешность. Северные кумыки, как правило, крупны физически, высоки ростом, среди них немало светловолосых и синеглазых. Конечно, не все они такие, речь идет о впечатлении, определяемом на глаз. По крайней мере среди моих близких друзей больше именно таких. Глядя на северного кумыка, вспоминаешь русское слово «половец» – желтый, соломенный, цвет половец. Или тюркское слово «сарык», у которого тот же смысл, что у слова «половец».

Лица южных кумыков интереснее и разнообразнее, в них больше восточных черточек: темноволосы, темноглазы. Порой глаза будто искрятся, в их разрезе угадываются «монгольские» или «арабские» линии, размытые временем. Физически мужчины тоже не слабые, есть очень даже крепкие ребята, заслуживающие уважения.

Штриховой портрет... В нем генетическое послание предков! «От отца к сыну» – так устроена жизнь на планете Земля, и изменить ее ход не удалось никому. Значит, напрашивается вывод: общество кумыков складывалось не сразу.

И верно, южные кумыки появились на территории Дагестана в III-IV веках, а северные – много позже. Такая неоднородность общества нормальна для тюркского мира, она отличала и предков. Еще древние китайцы светловолосых тюрков называли «динлинами», а темноволосых – «теле». Слово «тюрк» у китайцев значило здоровый, физически сильный... Все сходится.

Культура северных и южных кумыков, совпадая в целом, имеет отличия. И это закономерно. Например, северные кумыки в прежние времена жили в рубленых избах либо строили дома из самана – необожженного кирпича из глины и соломы. У южных кумыков излюбленный строительный материал – камень. Отсюда различия в архитектуре, а значит, и в устройстве быта.

Исключение составляло селение Тарки – столица! – там жил шамхал, верховный правитель кумыков. К сожалению, все старинные здания, приводившие людей в

восхищение, давно разрушили. Иначе кто бы поверил русским политикам, твердившим о «дикости» горцев, которых завоевывала Россия в XIX веке. О таких постройках XVII–XIX веков, как дворец Шамхал-Шаха-Вифи, Ханский дворец, и других теперь можно судить лишь по восторженным отзывам современников. Все исчезло. А здесь жили предки «русских» Тарковских – Андрея и Арсения, поэта и кинорежиссера – шамхалы, которые сами отказались от власти и стали прислуживать России, получив царские почести. Надели генеральские мундиры, забыв о чести и корнях...

Немаловажен для географа и тот факт, что у северных кумыков поселения и земли, прилегающие к ним, назывались «юрт», а у южных – «кент». Глядя на карту Дагестана, видишь «незримую географию» в истории народа: Хасавюрт, Кызылюрт, Бабаюрт, но Каякент, Бышлыкент, Ахалжикент... Селения южных кумыков древнее, их планировка явно городская, она хранит следы городов, которые упомянуты историками далекого прошлого. А это говорит о многом.

Кумыки свои селения в предгорьях Южного Дагестана строили на плоских участках. Даже в горах они не «лепили» дома на склоне, один над другим, как поступали горцы. Их селения опять-таки отличала именно квартальная планировка. В каждом квартале жил либо один род, либо люди одного сословия или одной национальности. Так было всюду, пока сохранялись родовые признаки в обществе. Улицы прокладывались прямыми и ровными. Хозяйственные постройки ставили в глубине двора, а на первом плане – дом либо клумба с цветами. Селения выглядели опрятными и ухоженными, что отметил и Александр Дюма, путешествуя по Кавказу.

Каждое селение имело удаленные хутора: «отар» – у северных кумыков, «махи» – у южных.

Поиск «типично кумыкского» я вел долго. Больше всего запомнилось селение Утамыш – вот где древность, скрытая в горах!.. Удивительное место, как и селение Эндирей. История здесь вспоминается на каждом шагу: она и в старинных домах, и в мечетях, даже в самих людях...

Кроме архитектуры могу еще, например, рассказать о танцах. Тоже выразительный знак отличия и своеобразия. Это не лезгинка, которую ныне кумыки пляшут, не задумываясь. У предков были иные танцы – свои, национальные: абезек, туз тепсев, жерме, индырбай. Очень грациозные танцы. Только турки танцевали их. Что-то, как утверждают ценители, перешло оттуда в

нынешнюю кумыкскую лезгинку.

Казалось бы: а столь ли это важно, как танцуют кумыки, как строят дома, какие национальные блюда готовят? Оказывается, очень важно. Ибо из этих «мелочей» и складывается лицо народа, его этнографический портрет. Больше того – проявляется принадлежность к тюркской культуре и вообще к тюркскому миру. Ведь точно такая планировка станом, такие же танцы и еда были у половцев-кипчаков. Находки археологов и записки летописцев-путешественников подтверждают это.

Да-да, из сегодняшней жизни уходят тропинки в прошлое!

Нить между «сегодня» и «вчера» неразрывна. Вовсе не в языке (в лингвистике), как принято думать, проявляется она. Язык забывают, как забывали его, например, русские дворяне, переходя на французский, а культуру – нет. Помнят все. Она в крови у человека. Что ел в детстве, под какие колыбельные песни засыпал, в каком доме рос, в каком дворе играл – вот это и есть родное, что потом снится всю жизнь. У тюрков очень обострено «чувство дома».

Пожалуй, ни один народ в мире не страдает от ностальгии так остро, как тюрки. Люди умирали от тоски по дому.

Так что на древность кумыкской культуры куда лучше порой указывает национальная кухня, чем язык, слова. Кухня очень консервативна, а о слове этого не скажешь. Например, «тесто тонко раскатывают, режут на мелкие квадраты, потом варят в бульоне и едят, поливая кислым молоком с чесноком». Любой кумык угадает это блюдо, оно «номер один» в национальной кухне – хинкал. Но мало кто из кумыков угадает, что привел я эту запись из книги арабского путешественника, побывавшего в Дешт-и-Кипчаке, в стране половцев, когда слова «кумык» еще не было.

Это блюдо у тюрков всегда было любимым, но называли они его по-разному. Впрочем, застольную речь предков сегодняшние кумыки тоже вряд ли бы поняли легко. Потому что язык со временем менялся, а кухня – нет. Древнетюркский язык имел свои особенности, забытые ныне.

Хлеб кумыки пекут, как и половцы, в печи, из кислого теста. По тем же рецептам. Ни один народ Дагестана так хлеб не выпекает. Но точно такой хлеб

выпекают татары, хакасы и другие тюркские народы, которые живут за тысячи километров от кумыков и вряд ли вообще догадываются об их существовании.

Веками все они, тюрки, одинаково готовят пироги с мясом, творогом, тыквой, сыром или травой, опять же называя их по-разному. («Пирог» по-древнетюркски – «завернутый», «покрытый».) Для его приготовления «ничего не надо, кроме воды, соли и теста». И подобных примеров очень много. Все они указывают на существование единой тюркской культуры и на принадлежность к ней кумыков.

Когда встречаешь упоминания о кумыкской еде в книгах арабских или европейских путешественников, побывавших в Дешт-и-Кипчаке, честное слово, просыпается чувство изумления. Значит, есть у народа какие-то корни... Ведь даже огурцы кумычки засаливают не так, как делают это горские женщины. У них свое представление о вкусе. И это естественно, только так и должно быть, по этим «мелочам» этнографы отличают народы. Сложилась целая наука.

А теперь спросим себя: если национальная кухня, жилища кумыков и половцев похожи, если внешний вид людей одинаков, если язык один и тот же, если одежда та же самая, если даже танцы у них такие же, то можно говорить, что это один народ? Думаю, можно. Ничто не противоречит такому утверждению... Значит, не исчезли половцы?!

Эти «доморощенные» наблюдения позволили мне предположить, что половцы не погибли, как неосторожно утверждают российские историки, а получили новое имя – кумыки. И возможно, не только кумыки... Так началось мое исследование самого себя, которое потом вывело на просторы тюркского мира. В Великую Степь, на Алтай и дальше.

Я не хочу здесь кого-то оспаривать и вообще спорить, считаю это пустой тратой времени и сил: слепой не станет зрячим, а глухой – слышащим, даже после самого аргументированного спора. Для моих научных оппонентов мы, тюрки, – люди второго сорта, народ без истории. Пусть. Но не для меня!.. Я рассказываю о поиске своих корней, которые открыли мне много неожиданного, и делюсь находками с теми, кому это интересно. А выводы пусть каждый сделает сам. Умный поймет. Если, конечно, он независтливый читатель и тоже спрашивает себя: «Кто есть я?»

...Первые сведения о тюрках на Кавказе приходится на 286 год: они тогда победоносно заканчивали войну с Ираном. С тех самых первопроходцев и началась история южных кумыков, они – плод Великого переселения народов. Тюркские всадники дошли до Эфиопии, Египта и Сирии. Им не было равных на поле боя. В 312 году они наголову разбили непобедимую армию Римской империи, причем сделали это у стен самого Рима, около Мульвийского моста. В битве пал император Максенций, Великая Империя раскололась надвое – на Восточную и Западную. Тюрки раскололи ее, как орех... Вот так начинали предки кумыков в Европе.

В начале VIII века было новое пришествие тюрков на Кавказ, они принесли сюда священное знамя Ислама. Их тогда называли арабами, но говорили всадники на тюркском языке. Это совершенно неисследованная страница тюркского мира. Она оставила заметный след в истории Ислама, всего Арабского Востока. Рано или поздно об этом тоже будет известно. Ничто, ни одна строка нашей истории не должна исчезнуть. Все надо изучать.

В XIII веке был еще один приток тюрков на Кавказ. Тогда, как отметил араб-путешественник Ибн-аль-Асир, появились новые кипчаки – северные кумыки. Число их быстро росло, шли они с Дона и Волги. Это были люди, которые спасались от преследований хана Батыя...

История тюрков на Кавказе очень богата. Но она малоизвестна, официальные историки всегда почему-то в мрачном свете выставляли кипчаков, забывая сказать о высокой культуре народа. Например, С. А. Плетнева – самый главный специалист по кочевникам! – в книжке «Половцы» так показала их, что становится стыдно. Не за себя, не за предков, а за автора. По ее мнению, храбрые русские князья веками трепали за уши трусливых ханов... Что ж, вольному воля.

Но обидно, что так, пренебрегая очевидным, официальная наука утверждает, будто в XIII веке исчезла Великая Степь, ее народ. И появились новые тюркские народы. А ведь еще Н. М. Карамзин писал: «Народы не падают с неба и не скрываются в землю, как мертвецы по сказкам суеверия...»

Невежды лишили-таки кумыков предков. Сделали народом без письменности и без истории.

...С гор тянуло вечерней прохладой, когда на дороге из Владикавказа показались русские солдаты; они вереницей подходили к Аксаю. В ауле их приходу не удивились: все знали – Россия пошла войной на Кавказ. Начинаясь 1817 год.

Ничего, кроме ненависти, не встретили завоеватели в Дагестане. Конечно, это сильное оружие, но его мало, а другого в Аксае не было. Кинжалы и сабли пушкам и ружьям уступали. И мудрые аксайцы затеяли игру с превосходящим в силе врагом: они по примеру предков взяли тактику заманивания, выжидания, вынужденного мира. Точно как половцы!

Неизвестно, кто предложил эту верную тактику, может быть, и мой прапрадедушка Абдурахман или его отец, военные, они были далеко не последними людьми в Аксае... До 1825 года вынужденный нейтралитет кое-как соблюдался. Аксайцы молчали, стиснув зубы. Однако в тот год гости повели себя как хозяева, стали приказывать. Этого кумыки не перенесли.

Не исключаю, что случилось все в доме отца Абдурахмана, имя которого Асев. Нежданные гости нарушили закон Кавказа, и это было последней каплей. В руках муллы Аджи блеснул кинжал – и в России двумя генералами стало меньше. Подоспевшие солдаты вскинули смельчака на штыки, но и аульцы не оплошали – вырезали врагов до единого. Оскорблений здесь тогда еще не прощали.

Забурлил окровавленный Аксай, днем и ночью ждали ответа русских. И генерал Ермолов ответил – он стер аул с лица земли. Уничтожил бы и жителей, но «татары», как тогда называли кумыков, скрылись в густых зарослях камыша, начинавшихся за аулом. За ними даже не послали погони. «Сами, как собаки, сдохнут от малярии», – решили русские, поворачивая коней.

Не сдохли. Выжили. Нашли сухое место среди болот, построили из самана дома, разбили пашни и каждый год отвоевывали у камыша пространство. Новый аул они тоже называли Аксаем... Я могу описать местность и сам аул тех лет, кое-что знаю о его жителях. Откуда? От Михаила Юрьевича Лермонтова. Он бывал в Аксае. И жива молва, будто Бэла – наша, аксаянская. Она вполне могла быть сестрой Абдурахмана, а Азамат – его братом...

И то, что Максим Максимыч и Печорин жили в крепости неподалеку, правда. Я нашел название крепости – Ташкечу.

«Крепость наша стояла на высоком месте, – вспоминал Максим Максимыч, – и вид с вала был прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками, оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; кое-где за ней дымились аулы, ходили табуны; с другой – бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа».

Все так. Те же широкие поляны, изрытые балками, мелкая речка Аксайка, кустарник. Я тоже видел их, стоя на том валу. Однако леса, что тянулся, по словам Лермонтова, до самого горного хребта, не было. Не верилось, что в выжженной степи, окружающей Ташкечу, когда-то рос лес.

Позже, в Москве, в библиотеке, убедился: сомнения напрасны. Вот что писал о тех местах один путешественник: «Входите вы в старый буковый участок леса, вас сразу охватывает какая-то сырость и темнота. Громадные буки стоят, заслонив небо непроницаемым пологом и не допуская солнечные лучи...» Буковые леса чередовались с ореховыми рощами. Отсюда «Терек» – «лесная река».

Вырубили, оказывается, те леса, с которыми связаны поколения кумыков. Все под топор пустили. Это была военная операция по колонизации Кавказа. Чтобы не прятались... Словом, озер, лиманов, плавней, где охотился Печорин, больше нет – исчезли. Другая началась жизнь, а старая все равно продолжалась. Народ, даже завоеванный, не умирал.

В начале 1830-х годов мой прапрадедущка Абдурахман женился. Царская получилась свадьба. Сколько у него было жен? Не знаю. Не больше четырех разрешает Коран. Как звали старшую жену? В семье ее называли Кавуш, она из рода Тарковских, дочь экс-правителя.

Об этих моих родственниках нельзя не сказать. Их род идет от Чингисхана. Шамхал первым в Дагестане принял титул российского дворянства, но за это поплатился властью, уступив кумыкский трон русскому наместнику. В их родовой аул Тарки приезжал Петр I. К сожалению, род этот духовно вымер в советское время. Выдающийся кинорежиссер, кумык по крови, Андрей Тарковский искал свои корни почему-то в Польше, а не в Дагестане. Хотя здесь родовое кладбище Тарковских, здесь помнят их, своих шамхалов...

Абдурахман Аджи и Кавуш Тарковская славно прожили жизнь. В Аксае у них родился мой прадедуска Абдусалам. Пришло новое поколение кумыков.

Как положено, мужчины должны быть воинами. Традиция! Братья Аджи служили в российской армии, потому что по Гянджийскому трактату, подписанному в 1835 году Россией и Ираном, кумыки, жившие на землях от Сулака до Терека, имели подданство России, а южные кумыки – Ирана.

Далеко не безусым юношей Абдусалам надел свой офицерский мундир. Прадедуска окончил Каирский мусульманский университет, ходил в Мекку. Он был очень образованным человеком. Умным, рассудительным. Служба у него пошла успешно, его имя – среди Георгиевских кавалеров российской армии.

Прадедуска рубил до седла, на две половины. А это – высшее военное искусство, им всегда отличались тюркские воины, прекрасно владевшие шашкой и пикой. Именно за искусство быть всадником и за высочайшую порядочность братьев Аджи взяли в Собственный Его Величества конвой – в самые привилегированные войска России. Далеко не каждого брали туда.

Так «кумыкское» исследование привело меня из Аксае в Санкт-Петербург, к императорскому двору... (Не такой уж был мелкий народец, как его выставляют.)

Собственный Его Величества конвой появился в 1828 году, в нем служили кавказцы, среди них генерал Асев Аджи. Но это формирование конвоем назвали не сразу, поначалу он числился лейб-гвардии кавказско-горским взводом. С 1832 года в его состав вошла команда казаков, «храбрейших и отличнейших», как записано в приказе. К 1856 году в конвое значилось четыре взвода... Понимаю, конвой – тема отдельного разговора, но завел я его, чтобы не словами, а фактами показать, какие воины были среди кумыков!

А дальше буду говорить словами из Энциклопедического словаря того времени:

«В 1856 году конвой был переформирован, причем были образованы: лейб-гвардии кавказский эскадрон Собственного Его Величества конвоя из четырех взводов: грузин, горцев, лезгин и мусульман. Команду (взвод) грузин поведено было комплектовать из православных молодых людей знатнейших княжеских и дворянских фамилий Тифлисской и Кутаисской губерний; горцев – из знатнейших и влиятельнейших горских семейств; лезгин – из знатнейших

джарских и лезгинских фамилий Прикаспийского края; мусульман – из почетнейших фамилий ханов и беков...»

Конвой относился к Императорской главной квартире.

Видимо, такова тюркская традиция – служба во имя славы и чести. Тюрки служили едва ли не при всех правителях мира. Лучше воинов нет. Начиная с Персии, Индии, Византии и Римской (Западной) империи всюду были они. И не случайно «солдатским» языком в Византии был именно тюркский язык... Братья Аджи командовали взводами конвоя. Абдусалам охранял императрицу Марию Александровну.

Им, кумыкам, Россия доверяла самое дорогое, что было в Империи, – жизнь царя и его семьи!

Среди других в конвое служил принц Риза-Кули-Мирза, и, судя по всему, у братьев Аджи были с ним неплохие отношения.

Иначе как объяснить, что родной брат персидского шаха женился на сестре Абдусалама; в 1873 году он был «отчислен из конвоя с производством его в полковники» – так написано в приказе, который мне удалось найти в делах конвоя, что хранятся в Военно-историческом архиве.

Породнились Аджи не только с персидским шахом... Слово «кумык» звучало тогда совсем не так приглушенно, как сейчас. А быть тюрком не считалось зазорным.

Одну из дочерей – прекрасную Умайдат – прадедушка Абдусалам отдал за лезгина Бейбалабека Султанова из аула Ахты. И сразу ложное представление, вбитое в наше сознание, рисует дикаря-кавказца. Напрасно. Он закончил университет в Сорбонне и почти 15 лет прожил с молодой красавицей женой в Париже, где имел врачебную практику.

Тогда Кавказ не был диким и отсталым краем. Таким он стал потом, уже в XX веке.

Это мой прадедушка Абдусалам, воин и философ в одном лице. Он закончил Каирский мусульманский университет, а потом по семейной традиции служил в Собственном Его Величества Императорском конвое. Как его отец и дед

Брат прадедушки Абдулвагаб тоже служил в Императорском конвое, был другом министра финансов С. Ю.Витте. Его женой стала внучка Генриха Гейне, которая ради мужа приняла ислам и новое имя – Султан ханум

Мой отец еще застал ту, прежнюю жизнь. Здесь, на снимке, он со своей бабушкой Батий. Снимок сделан в канун 1917 года.

А это мой дедушка Салах, он справа. Выпускник Петербургского технологического института, будущий нефтепромышленник и министр Временного правительства Дагестана

Последняя фотография дедушки. Он прожил очень трудную жизнь, его ломали, а он не ломался. Выстоял, сохранив честь и достоинство кипчака. Это было все, что у него осталось

Такой вот я.

Человек, который во сне и наяву видит Великую Степь и Древний Алтай. Живу ими

Двоюродную бабушку Умайдат я не ради красного словца назвал «прекрасной», она была настоящая красавица. Рассказывают, что однажды бабушка упростила мужа взять ее в ресторан, где собирались любители варьете. Представление сорвалось! Зрители смотрели не на сцену, взоры зала были обращены на жену Бейбалабека Султанова. Вот вам и Париж с его танцовщицами... О писанных лицах тюркских женщин слагали легенды.

...После убийства царя в 1881 году конвой распался.

Ни в чем не повинного прадедушку из Санкт-Петербурга отправили начальником далекой крепости в Назрани, которая находилась в Чечне, вблизи родного Акса. Следом полетело письмо о тайном надзоре, который установили за участниками конвоя. Хотя чего надзирать? Абдусалам был кристально честен. Поднадзорную должность полковник Аджи, конечно, оставил и – благо было высшее мусульманское образование – занял место наиба в селении Чирюрт. Почему он не захотел жить в Аксае? Догадываюсь, были на то причины.

Раздражали местные нравы. Он стискивал зубы, когда узнавал, что родственники заставляли его молодую жену доить корову или печь хлеб. И она доила, пекла, как требовал обычай повиновения младших старшим. Доила, засучив кружевные манжеты, выписанные из Парижа. Пекла, сдабривая тесто слезами... Но, честное слово, не для того же Абдусалам украл свою Батий и приехал в Аксай из Санкт-Петербурга.

Однако можно предположить и другое.

Батий владела французским, английским, русским, хуже кумыкским языками. Для чеченской девушки очень неплохо! Она много читала. И любое замечание она, горянка, плохо зная кумыкский, вернее полонецкий, быт, воспринимала как оскорбление. «Представляешь, – возмущалась она, – он поправляет мое русское произношение, забывая, что я первая на Кавказе узнала, что такое “завалинка”...» Словом, Аксай хоть и назывался самым культурным кумыкским селением, но не всем он казался таким. Мой прадедушка, не забывший еще петербургскую жизнь, так и не прижился там.

Он вообще тяжело сходилась с людьми, был суров в общении, ценил людей только своего круга и не искал новых друзей. Они были ему не нужны... Не знал прадедушка, что эти черты его характера, равно как вспыльчивость, даже ярость, тоже достались кумыкам от половцев. Они – черта тюркского характера, о чем достаточно точно написал в 1246 году итальянский монах Плано Карпини. Кстати, описанная им внешность половцев («куманов», как он их называл) полностью совпадает с чертами лиц нынешних кумыков.

Так что характер моего прадедушки (как и многих кумыков) наследственный. Своим спокойствием, рассудительностью Аб-дусалам подавлял окружающих, подчинял их без приказов и слов, лишь своим видом и благородством. Иных приводил в трепет. Его боялись. И тайно не любили, остерегаясь явно выразить свою неприязнь.

Говорят, какая-то неземная сила жила в нем. Когда он шел по улице, прохожие отворачивались или прятались. Однажды на него бросилась огромная кавказская овчарка, но он ни на шаг не отошел, а лишь посмотрел на нее своим тяжелым взглядом. Бедный пес припал к земле и, жалобно скуля, пополз прочь. А прадедушка пошел дальше...

Адбусаламу вскоре стал тесен и Чирюрт. Он с семьей переехал в Ростов, в старый Аксай, из которого в XIII веке выехали наши предки, потом вновь вернулся в Дагестан. После Петербурга всюду жилось неуютно. Ведь прадедушку отличало абсолютное безразличие к деньгам, к богатству. У кумыков тогда в почете был человек – его происхождение, а не тугой кошелек, как сейчас. Князь мог быть беднее чабана, и это не смущало. Он – князь. И этим сказано все. Больше всего кумыки боялись не бедности – позора.

Сесть в арбу, хозяин которой низкого сословия, считалось за величайший стыд. Или – в присутствии других сидеть возле своей жены. Или – входить в кухню...

Существовал целый свод неписаных запретов и правил – адатов, я их привожу в конце книги.

И не приведи Бог, если князь, даже случайно, выполнит какую-то работу по дому или по хозяйству, для этого были люди, целые сословия. Позор в первую очередь ложился на них, не сумевших вовремя помочь князю, у которого свои обязанности перед народом – княжеские. В кумыкских аулах общество очень строго делилось на сословия. После князей шли сала-уздени – профессиональные воины, которым тоже запрещалось работать, они в мирное время оберегали княжескую особу от всяких неприятностей.

И в сословном делении общества кумыки повторили половцев.

А самым большим позором у кумыков считалось продавать, делать бизнес, как сказали бы сейчас. Прикасаться к деньгам, особенно детям, в приличных семьях запрещалось. И как в этой связи не вспомнить рассказ византийского историка XIII века. Как-то император Михаил Палеолог прислал половецкому хану Казану жемчуга и драгоценные камни (хотел подкупить). Хан, проявив осторожность, спросил: для чего они годны, могут ли предостеречь от болезней, смерти и других бедствий? Услышав отрицательный ответ, хан отвернулся от дара... У степняков вещи ценились не материальные! Ценились поступки. И мысли.

Что мы хотим от сегодняшних батраков, которые все растеряли? Одни только «бабки-бабки» у них на уме. Ни работать, ни учиться не желают. Вот и стоят позорно на базаре в ожидании случайного заработка.

Для торговли кумыки пускали к себе в аулы евреев, занимавшихся еще и разными ремеслами, и талышей, отличных огородников. Скот пасли горцы – тавлу...

Для уважающего себя кумыкского князя хорошим делом считалось умение раздобыть военные трофеи. Тоже уметь надо! Правда, потом их раздаривали гостям, друзьям, родственникам направо и налево, и у удачливого грабителя ничего не оставалось. Зато сколько радости!

Обычай, идущий из глубины веков!

И столь же давняя традиция – невольницы. Сластолюбцы еще в XIX веке покупали их ради первой расправы; в Эндирей-ауле был рынок, куда свозили красавиц со всего Кавказа. Потом рабыню принято было отдавать за холопа или отпускать на все четыре стороны, если была на то ее воля... Мне рассказывали, что прадедушка Абдусалам не отворачивался от этого древнего обычая. И в 70 лет его огромное сердце было столь пылко и нежно, что в нем умещались даже юные красавицы, среди них – внучка Шамиля, ставшая четвертой женой прадедушки.

Лихой конь, сокол, гости, подарки, праздники, заварушки и, конечно, женщины заботили иных князей куда больше, чем плодородие земель. То был верх самодовольства, но ради него стоило пожить...

Слава Тенгри, подарившему миру день и ночь: деления на богатых и бедных у кумыков прежде не было. Для всех был день, отмеренный Всевышним, – у кого-то светлее, у кого-то темнее. Природа и труд приносили плоды, дававшие доходы, им радовались...

Несколько слов о том, как выглядели кумыки, – об их одежде. И здесь налицо степные традиции. Мужчины носили тунико-образные рубашки с воротничком стойкой. Цвета были разные, а вот брюки, кафтаны признавались только темного цвета. Папаха, черкеска или бешмет. Кинжал тоже был элементом одежды, он характеризовал мужчину: хороший кинжал – значит, хороший мужчина. Зимой надевали шубы, но шубы короткие, с широким низом – всадники же. На ногах круглый год мягкие сапоги.

Конечно, об одежде кумыков нужен отдельный разговор, мало известно о ней. А можно было бы рассказать, например, о штанах. Самые древние в мире брюки нашли при раскопках тюркских курганов на Алтае. У предков они назывались «шарвар».

Женская одежда отличалась изяществом, наверное, поэтому наши женщины были похожи на лебедушек. Не идет – плывет, не касаясь земли. Их грацию подчеркивали шали с тонкой и длинной, словно ветки плакучей ивы, бахромой. Кумыкские женщины ценили украшения, их носили даже маленькие девочки. Бусы, пояса, серьги, кольца в каждом роду передавались из поколения в поколение. Однако побрякушки не были главным, обходились и без них, потому что сами женщины были украшением мира.

Богачом называли человека с широкой душой, в которой есть место родственникам, друзьям и гостю, конечно. Богач – это человек, у которого море чувств и мыслей, к нему, как к роднику, тянулись люди. Прадедушка Абдусалам – по старинным кумыкским меркам – считался богачом.

Правда, больших денег у него не было, а почтение людей было – в любом доме, начиная от шамхала, радовались ему, великолепному собеседнику, украшению любого застолья. Что еще надо для доброго человека?

В 1902 году, в канун своего 70-летия, Абдусалам Аджи, человек, «склонный к философским размышлениям», поехал в Ясную Поляну к другому «склонному к философским размышлениям» человеку, подарил ему бурку. Они беседовали. От Льва Толстого прадедушка второй раз пошел в Мекку... Это было событием не только его жизни.

Два раза отправиться в это святое путешествие мало кто позволял себе. Ведь шли пешком и жили на подаяния, восемь-девять месяцев занимала дорога. То был настоящий хадж, какой и положен паломнику. Видимо, там, в Мекке, или по дороге к ней, он познакомился с известным бакинским предпринимателем Тагиевым – человеком большой души и светлых помыслов.

Теперь я знаю почти точно, что было дальше, после возвращения, – по крайней мере о нескольких его днях. Об этом мне рассказало письмо из Баку от незнакомой женщины. Эльмира Алиевна Абасова написала об их семейной истории, которая передается из уст в уста с 1903 года.

Тогда ее дед Абдулали, еще молодой человек, поехал из Баку к нам в Аксай, который славился по всему Кавказу великолепными табунами. На аксайской базарной площади стояла толпа. Вдруг все обернулись на высокого человека, подходящего к площади. Он шел легкой походкой, поигрывая тросточкой, как было принято тогда. «Это был рослый, живой, несмотря на годы, человек, – пишет Эльмира-ханум. – Походка говорила о его былой воинской службе. При виде этого человека толпа стала расходиться, по обычаю уважения к почтеннейшему лицу».

«Дед рассказывал, – пишет дальше мой корреспондент, – что Абдусалама называли небесным человеком – святым. Он подошел и, улыбаясь, сказал: «Гость из Баду – мой гость»... Слово «Баку» в Дагестане модно было произносить

именно так, с легким французским прононсом, в этом был свой шарм. Прадедущка первым делом спросил о здоровье своего знакомца Тагиева.

Молодой гость был ошеломлен. А еще он запомнил обилие книг в доме и Коран в позолоченном переплете, который Абдусалам привез из Мекки. (К слову, Коран в 1960-е годы какой-то негодяй украл у моей тетки в Махачкале.)

Наутро Абдусалам сам выбирал кобылу для гостя, он понимал толк в конях... На пути из Аксая в Баку на счастливого обладателя молодой красной кобылы напали разбойники, жить ему оставалось минуту, но тут кто-то увидел на кобыле тавро Аджи. Узнав, что перед ними гость самого Абдусалама Аджи, разбойники извинились и, стремясь загладить вину, проводили его до ближайшего селения... Так возвращаются к нам истории прошедших лет. Ничто не исчезает бесследно. А память о человеке – тем более.

Словом, в XX веке мы, Аджи, породнились с Баку. Туда переехал мой дедушка, Салах, он начал работать у Тагиева инженером, потом заимел свой нефтепромысел в Сураханах. Все-таки первый инженер Дагестана, дело знал, работы не боялся, быстро сумел наладить производство. Так Баку, как и Санкт-Петербург, стал для меня родным городом. Здесь наш дух!

Удивительно, как же много всего интересного было у нас в семье... И я не знал об этом. Не рассказывали. Дедушка играл в карты с Эммануэлем Нобелем, тем самым, дед которого учредил Нобелевскую премию. Нобели известны чуть ли не как единственные бакинские нефтепромышленники, а кумык, который работал рядом, забыт. О Тагиеве хоть что-то помнят. А у наших дела, между прочим, шли не хуже, чем у Нобелей. По крайней мере, дедушка построил в Дагестане коньячный и другие заводы.

Вот вам «тюркская проблема». Оказывается, и кумыки что-то умели.

Аксай, наш родовой аул, теперь забыт. Как бездомная собака, ютится он в степи на границе с Чечней. Понаехали в него отовсюду. А кумыков – кого выселили, кто сам уехал. В Дагестане не осталось ни одного кумыкского района! Да что района! Нет даже селения, где живут только кумыки. Я встречал переселенцев из Дагестана в Тульской, Рязанской, Курской, Воронежской областях. Сироты. Очень много их в Западной Сибири.

Не поют в Аксае наших песен, умолкла гармошка, другая там слышится речь. Правда, сохранились кумыкские кварталы, где хоть какое-то подобие прежнего – чисто, ухожено, аккуратно, но очень бедно. Дома, построенные лет сто назад, доживают свой век. Нищая старость кругом.

– Не знали, что такая «дружба народов» получится, – от души сказал один аксакал.

Тысячи горских семей были насильственно вывезены в 50-е годы на Кумыкскую равнину. Им выделяли лучшие участки, в несколько раз большие, чем у потомственных жителей равнины. Переселенцам давались ссуды, которые местным и не снились. Режим максимального благопритствования за счет кумыков привел к тому, что на равнину добровольно потянулись тысячи семей горцев. Кумыкские поселения лишились пастбищ, садов, захирели. Закрыли кумыкские школы, культурные центры, стали уничтожать памятники нашего народа, кому-то они мешали. Все это называлось «советской национальной политикой» или «дружбой народов»: коверкали жизнь и горцам, и кумыкам.

В Аксае уже овцу не прокормишь – негде. Давно нет тучных отар, о которых упоминал Лермонтов. Отсюда и нищета.

Рядом с кумыками жили казаки. От них остались теперь только названия сел – Покровское, Петраковское, а самих их выселили. Были немецкие поселения в Дагестане, но немцев тоже выслали, кого в Сибирь, кого в Казахстан. «Нет народа – нет проблем» – таков был девиз национальной политики. С кумыками так и остались «отдельные проблемы», не удалось решить их сразу: слишком уж заметный народ на Кавказе. Его в эшелоны не загрузишь, как карачаевцев или балкарцев, численность которых была намного меньше.

...Почти нетронутой сохранилась в нашем ауле центральная площадь и мечеть, в которую семьей ходили Аджи. Правда, дом наш мне не показали – забыли или не хотели разочаровывать?

Около мечети стояли аксакалы – в те далекие времена, когда приходил сюда мой прадедушка, босоногие мальчишки. Я подошел и посмотрел на них с уважением – они жили в его время. В них искры того времени. Счастливые. Аксакалы стояли в черных папахах, в черных одеждах, все в мягких кожаных сапогах и узконосых галошах. Они стояли, как их отцы и деды, и так же неторопливо, с достоинством

беседовали. По площади бегали куры, две коровы пощипывали куст. И если бы не наша машина, оставленная у моста, то можно было бы подумать, что XIX век давно ушел, а XX век так и не наступил в Аксае.

- Салам алейкум...

- Ваалейкум салам...

Ни о дедушке, ни о прадедушке никто, конечно, ничего не помнил, но все вдруг оживились, стали смотреть на меня и пришептывать: «Вах-вах-вах».

Мое московское невежество! Разве так – с налету – разговаривают с аксакалами, да еще на столь деликатную тему... Вот оно, отсутствие культуры.

Дорогие моему сердцу аксайцы, по-настоящему воспитанные люди, не раздумывая, тут же повели меня в фотоателье, оно рядом, в сарайчике, сфотографировали, а потом показали старинное кумыкское кладбище, которое подходило к самой реке и было запущено – осталось два-три памятника на заросшей бурьяном земле. В бурьяне возились овцы и куры. На одном из памятников по истертым русским буквам узнал, что здесь покоится тело князя Мирзы, убитого в 18... Рядом стоял женский памятник, но безмолвный – буквы стерло время.

У кумыков издали видно, где похоронен мужчина, а где женщина. На мужских памятниках вырезают шар. Если же умирает знатный человек, над его могилой укрепляют флажок или устанавливают мавзолей. Видимо, этот обычай пришел в Дагестан вместе с Исламом, потому что около старого Аксае есть курганы, они свидетели другой, более древней духовной культуры народа.

В конце аксайского кладбища, за кустами, в сокрытии от глаз мирских, – зиярат, святое место. Войти туда разрешено не всякому. Бог накажет неверного, если тот только задумает приблизиться. Откинув калитку на пыльный плетень, мы, прочитав молитву, тихо вошли туда.

Зелень. Два мавзолея. Несколько могил. Здесь вечный покой самых почетных аксайцев... Ни могилы дедушки, ни могилы прадедушки не было. Их покой не в Аксае.

Абдусалам умер в 1929 году, многое повидав за свои долгие 96 лет. Умер в Темир-Хан-Шуре, ставшей Буйнакском. Тихо похоронили его, потому что и жил он тихо, в скромном доме по улице Дахадаева. Я видел этот дом, его занял муфтий, другой дом забрали под детский сад.

Как мне говорили, в последние годы прадедушка много читал. Он разговаривал с книгами словно с живыми душами из другого мира – ведь гости заглядывали в его дом крайне редко. Не принято стало гостей принимать. Боялись. Ведь после провозглашения независимости Дагестана его сын, то есть мой дедушка Салах, был министром Временного правительства нового государства. Для комиссаров – фигурой нежелательной...

Утомившись от чтения, прадедушка выходил на прогулки: одну продолжительную и две короткие. В черкеске, в папахе с красным верхом, в мягких сапогах и обязательно с тросточкой, он в любую погоду совершал свой моцион. Его по-офицерски стройная фигура появлялась на бульваре словно немой протест произволу, захватившему страну; он выходил в один и тот же час, по нему проверяли время.

А вот в мечеть ходил редко, можно сказать, вообще не ходил – не мог слушать полуграмотное чтение. Его ушам был чужд голос новых мулл, которые пришли на место старых, образованных служителей. Прадедушка молился дома, в тиши общаясь с Всевышним. До последнего дня оставался мусульманином, хотя это было уже очень опасно. Но он все равно не изменял себе. Не мог жить по-новому. Дома надевал на голову турецкую феску, требовал, чтобы на столе стояли цветы, незабудки, и строго соблюдал обычаи. По-другому не умел и не хотел.

Он умер, не поняв, почему расстреляли столько кумыков – его родственников, друзей, которые не совершили ничего предосудительного. Наоборот, были очень порядочными людьми. Не понял, почему запретили учиться его внукам, моему отцу и дяде. (Они, правда, потом выучились и прожили жизнь вдали от Дагестана.) Или – почему... О-о, сколько же этих ужасных «почему» обрушила на несчастного прадедушку новая жизнь!

По счастливой случайности его самого не расстреляли. День продержали в кутузке и выпустили. Нет, не из-за возраста пощадили его, комиссары стреляли и в стариков, и в младенцев.

Еще в мирное время в доме Абдусалама жил сирота по имени Махач и по фамилии Дахадаев. Чем приглянулся прабабушке Батий этот мальчишка с огромным лишаем на голове? Прабабушка моя была ясновидящей! Она вырастила на кухне доброго человека, дала ему денег на учебу – на добро он ответил добром.

Став наместником новой власти в Дагестане, Махач[2 - Его именем названа Махачкала, бывший порт Петровск, столица Дагестана.] выдал Аджи «охранную грамоту»: чья-то заботливая рука переписала послужное дело Абдусалама, перепутав даты, события, имена (я нашел в архиве это дело, исчерченное жирным красным карандашом, видно, что-то искали, а найти не могли!). А чьи-то заботливые уста нашептали о мифическом турке, от которого якобы идет наш род... Все тогда спасались как могли.

Даже фамилию нам перепутали. Правильно мы должны были писаться Асев-Аджи, как другие наши родственники... К фамилии добавили русский хвостик «ев», лишнее убрали. И – пойдя проверь. Нет, только благодаря Всевышнему мы выжили – он наградил наш род прабабушкой Батий.

Правда, выжили в беспамятстве, забыв обычаи, язык, традиции кумыков (только о себе сейчас говорю!). Чего ждать от человека, выросшего вдали от Родины, от своего народа? И все-таки. Заговорил же во мне голос крови. Надеюсь, заговорит он и в моих сыновьях, и в сыновьях моих друзей. Во всех нас.

...Я даже вздрогнул, когда в Военно-историческом архиве нашел бумаги, написанные рукой Абдусалама, – точно такой почерк у моего старшего сына, который тоже гренадерского роста, служил в армии и тоже в конвое. Невероятное стечение обстоятельств! Однако сегодняшний конвой охраняет заключенных. Службу, как и судьбу, не выбирают, ее назначает Небо.

Вот почему я обязан был написать книгу «Полынь Половецкого поля», она – моя судьба. Всю жизнь шел к ней. Не выбирал ее, не придумывал. Взял и написал.

Полынь – трава особенная: не все, лишь избранные ценят ее. В ней запах Родины. Она – весть безмолвная с покинутой Ана-Дол, страны забытой, нелюдимой, поруганной. Наши предки перед дальней дорогой вешали на шею кожаный мешочек и клали туда щепоть сухой полыни – на счастье. Ладанка для души. Для степняка не было роднее запаха, чем у емшан-травы.

К сожалению, ныне степняки не знают этого божественного запаха. Огрубели. Отучили их от него. Когда-то в Степи за добрую традицию почитали посылать далекому родственнику не письмо, не подарок, а именно пучок сухой полыни – сигнал для встречи или возвращения. Помните?

Ему ты песен наших спой,

Когда ж на песнь не отзовется,

Свяжи в пучок емшан сухой

И дай ему – и он вернется.

Это Майков. Слова напутствия поэт вложил в уста половецкого хана Сырчана, который звал брата Отрока вернуться домой, в родные степи. Эта книга тоже зовет вернуться, но вернуться к самому себе, к своему потухшему очагу великий наш тюркский народ, который разбит на осколки и разбросан по свету... Мало кто ныне догадывается, что на планете живет около миллиарда человек нашей крови. Их корни тоже с Алтая.

Люди, потерявшие запах дома, запах емшан-травы, как говорили древние, рано или поздно потеряют себя, забудут свои имена, и их могилы станут безымянны. Так и случилось: из народа, покорившего Европу и весь мир, политики сделали маленькие «народики», карапузов. Веками нас разделяли, чтобы властвовать над нами! На десятки народов разделили нас.

Забытая Родина, забытая гордость. Что страшнее и что позорнее для мужчины, предки которого были славными всадниками? Беспмятство здесь сродни бесчестью.

Но «народики», в ущерб Истине придумывающие прошлое, во сто крат страшнее и в тысячу раз позорнее. Они смирились со своим унижением, кандалы им больше не трут. Забыв древние образы, рисуют новые, очень сомнительные. Жалкие и потерянные, копошатся, не видя развалин величественного отчего дома, не чувствуя былую его теплоту. Родной майдан их не заботит.

Нашу историю унизили и оболгали. О тюркском народе написаны ужасы и небылицы, напраслины возведены до небес. А карапузам и дела нет. Лишь недруги желают, чтобы всегда мы жили рабами, Иванами, не помнящими

родства. Чтобы стыдились предков, якобы «диких кочевников» и «поганых татар». Чтобы никто ни разу не вспомнил, что именно наш народ заложил основу европейской цивилизации в ее нынешнем виде!

Да-да, это мы научили Европу плавить железо и мастерить изделия из него, до нашего прихода там был бронзовый век. Глядя на нас, европейские мужчины стали носить рубашки и брюки, мыться в бане. От нас европейцы узнали о ложке и вилке, а также о других, самых обыденных ныне предметах. Ведь до знакомства с нами даже римские императоры ели, кажется, только руками. Не знали они и назначения кумгана. Мы, тюрки, – и никто другой – показали язычникам-европейцам их религиозные символы, от нас услышали они свои теперешние молитвы.

А в ответ... в ответ получили то, что имеем. Нас вычеркнули из истории народов.

Полынь Половецкого поля

Когда вверху возник свод Неба голубой, а бурая земля раскинулась внизу, меж ними род людской был утвержден и жил.

Украшение рога из кургана Черная Могила

Степные корни России

Когда хвороба вспыхнет в плотном теле и разрывать начнет хрящи с хрящами, – то надо возратить стрелу, что прежде ты выпустил с намереньем бесчестным...

Композиция на турьем роге из кургана Черная Могила в Чернигове

Костяная пластинка из Белой Вежи (хазарского Саркела) с четко обозначенной тамгой. 960-е годы

Нет, не с географии надо начинать разговор о России, о ее народе и земле, занимающей едва ли не восьмую часть суши; стране, лежащей и на Западе и на Востоке; стране, говорящей (или говорившей) на многих языках. Все это было известно и в XIX веке, и раньше. Видимо, обилие народов и привело к явной несурaziце в определении этнических россиян.

Русские, кто они? Россия, какая она?

До смешного дошло: ярко выраженные семиты стали «русскими». Армяне – тоже теперь «русские». В Сибири встречаются тысячи монголоидов, во внешности которых нет и тени славянского, но и они называют себя русскими. Все говорят на русском языке, носят русские имена и имеют полное право быть русскими... Я знаю негра, который тоже русский по паспорту. Негры и азиаты стали русскими. Удивительно, как и когда могло случиться такое?

Впрочем, удивляться в российской истории ничему не надо, вся она – загадка для ума. Национальностью человека в стране всегда распоряжались, как и его имуществом, по усмотрению властей. Власти лишали народы имени, так поступили, например, с андийцами, ботлиховцами и десятком других народов в Дагестане. Власти меняли человеку национальность. Они присвоили себе право на все.

Самым первым народом, потерявшим имя при советском режиме, были казаки. Их, потомков кипчаков, после декрета о расказачивании записали «русскими». Они и есть первые «новые русские», но уже советского замеса.

Что же такое – «русский»?

Слов на сей счет произнесено предостаточно. Поэты, писатели, философы не одного поколения искали красивые ответы на этот простой вопрос. Много их, ответов, рождено чувством, а не знаниями. Придумывали порой самое невероятное, вплоть до этрусков, то есть предшественников римской цивилизации, от них якобы идет русский народ.

«Древнерусская народность с восточнославянским самосознанием сформировалась в период единства древнерусского раннефеодального Киевского государства (Киевской Руси IX–XII веков)» – такова официальная точка зрения, утвердившаяся в России.

А что было до Киевской Руси? Не на пустом же месте возникла она? Кто были те люди, что пришли в IX веке на берег Днепра? Откуда? Почему? И настолько ли единой была Киевская Русь, чтобы там за два века смог появиться новый народ? Иначе говоря, новая культура, со своим самобытным лицом, отличным от других народов мира?..

Непонятно и то, почему коренные жители Киева называются украинцами, а не русскими – ведь Русь это и есть Киев? Наконец, почему культуры украинцев и русских так отличаются одна от другой? Они должны быть одинаковыми – от одного все-таки корня. А они разные. Или нет?

Путаница какая-то: жители Киевской Руси украинцы – не русские, а негры – русские.

К моменту появления Киевской Руси успели угаснуть великие цивилизации в Египте, Персии, Древней Греции, Риме, не говоря о Древнем Востоке и Алтае. Мир явно был обитаемым, он и до рождения Киевской Руси не был диким и первобытным даже на территории нынешней России. Высокая культура отличала его, по крайней мере находки археологов убеждают именно в этом. Значит, становлению Руси что-то предшествовало? Но что?

К сожалению, все эти вопросы в России принято обходить молчанием. Или предлагать вместо ответа что-то вопиющее, порождающее только новое недоумение.

Однако сохранились документы той поры, о них известно всему миру. Никакой тайны нет, тайна – только для россиян, от которых просто скрывают эти сведения или истолковывают их по-своему. Почему нельзя назвать вещи своими именами?

Например, немецкий историк Л. Мюллер, признанный во всем мире авторитет по древней культуре Восточной Европы, анализирует самые ранние документы, где упомянут народ – РУСЫ: «Вертинские анналы», «Русская летопись», трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного. И что же? Везде одно: русами называли скандинавов – варягов.

Выходит, российский энциклопедический справочник «Народы мира», цитата из которого приведена выше, мягко говоря, неточен. Некорректно говорить о русском народе, умалчивая о его «родителях» – русах, от которых взято не только имя.

Русы основали Киевскую Русь. Зачем скрывать общеизвестное? Зачем притягивать сюда славян и делать из них «строителей» Руси, если славяне и рядом не жили?

В «Бертинских анналах», например, сообщается о прибытии русов к Людовику Благочестивому в 839 году. Это и есть одно из первых, самых древних письменных свидетельств, где упомянут народ «руссы». Возможно, есть и другие документы, которые тоже свидетельствуют об этом.

Говоря о своей национальной принадлежности, русы назвались шведами, теми, «кого мы еще зовем норманнами», поясняет автор. Выходит, первые русские действительно славянами не были. Больше того, они даже не знали о своем «славянстве». Их корни совершенно иные.

Не только греки, но и римляне, арабы, кипчаки, иранцы – весь мир – в IX–XII веках понимали слово «русь» одинаково. Этим словом называли народ, известный в России под именем «варяги». Так записано во всех исторических документах той поры, и оспаривать это абсурдно.

То было норманнское время. Тогда, в конце первого тысячелетия, не только Киевскую Русь основали они. В 1066 году варяги завоевали Англию и утвердили там свою правящую династию («Английскую Русь»?). Однако воспитанные в иных

традициях англичане не считают, что этот факт надо замалчивать или отрицать, он не принижает достоинство нынешних англичан. А каково тогда австралийцам, их государство основали ссыльные? А мальтийцам – потомкам пиратов?

Русы были сильным народом, с которым считались и о котором, к сожалению, очень мало известно. Они заставили уважать себя. Почему не приемлют их нынешние русские? Почему придумывают себе небылицы вместо истории? Непонятно.

Интересно, а как сами варяги называли Киевскую Русь? Свое государство на Днепре?

Просто «Русью» они его называть не могли, потому что так называли соплеменников, выходцев из Северной Швеции – жителей побережья, обитавших к северу от Стокгольма. Их и сейчас так называют. Отчаянные были люди, отвага их не знала границ: блестящие мореплаватели, смелые воины, они держали в руках Северную Европу. На побережье и на воде не было им равных соперников.

Слово «русь» скандинавские ученые выводят от древневаряжского (древнеисландский диалект) «гребцы», «мореходы». Действительно, варяги вошли в мир именно как «воины моря». Реки им были дорогами, морской утес – приютом. Древние их саги тому лучшее подтверждение. Вроде бы все сходится.

Последние на сей счет сомнения, если они еще остаются, развеивают финны и эстонцы, давние соседи шведов, которые по старинной привычке называют Швецию словом, созвучным слову «Роутси». В то время как южного соседа, который на географической карте обозначался «СССР», они традиционно называют «Вения», от слова «венеды» – то есть «славяне».

Мало того, в Эстонии есть местечко на побережье, оно так и называется «Новая Руосия», там когда-то жили шведы... Это их название! Сохранилось. Все свои заморские территории варяги называли именно так.

Словом «венеды» пользуются не только финны и эстонцы. В немецком языке сохранилось оно в значении «славяне», и у итальянцев в ходу это слово. «Русы» и «славяне» совершенно разные, абсолютно не совпадающие понятия в этнографии. Впервые о венедах как о европейском народе мир узнал из работ

римского ученого и писателя Плиния Старшего (24–79), который составил многотомный трактат «Естественная история». Это настоящая энциклопедия древнего мира! Работа, на которой выросли ученые всех последующих поколений. По Плинию, древние славяне называли себя «венетами». Другой римский историк, Тацит (58—117), подтвердил и дополнил сведения о венетах – народе, обитавшем на севере Европы, между Вислой и Одером. С тех пор начинается в мировой науке фиксированная история венетов, то есть славян... Придумывать в ней ничего не надо, все есть как есть.

О варягах же, об их облике и нравах мир узнал много позже, в IX веке, из Жития епископа Георгия Амастридского, где сообщалось о нападении русов на город Амастриду (на южном берегу Черного моря), о насилии и грабежах, о чудесном вмешательстве святого, предотвратившего разграбление. Событие датируется 860 годом.

Русы в IX веке не раз беспокоили Византию, их знакомство с Константинополем, с его дворцами и храмами не прошло бесследно: молва о далеких богатых городах запечатлелась в скандинавских сагах. Поэтому погром в городе Амастриде, конечно, не был случайностью, к нему готовились загодя... Здесь тоже вроде бы все ясно, ничего не надо придумывать. Но почему-то иные российские историки утверждают, что тот погром устроили некие «славяно-руссы», однако Георгий Амастридский о таком «народе» не говорит.

«Славяно-руссы» – это как диагноз в истории болезни, но им посвящены книги!

Авторов не заботит, что славяне и русы даже рядом не жили, их разделяло Балтийское море. Всем отличались они: образом жизни, внешностью, духовным укладом. Варяги, например, исповедовали веру Одинову, в которой главенствовал небесный бог Донар, Дангыр, славяне же о ней не знали. Варяги искали себе пропитание в морской торговле, в военных подвигах, а славяне – в кочевом скотоводстве, позже – в неоседлом земледелии.

Больше того, летописи той поры отмечали: «руссы ходили воевати славян», «славяне платили дань русам». Это цитаты!

Говорить о «славяно-русах» – все равно что искать следы каких-нибудь «греко-арабов» или «римо-марокканцев». «Русы не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян», – отмечал древний летописец Востока Ибн-Руст.

«Всегда 100–200 из них (русов) ходят к славянам и насильно берут у них на свое содержание», – вторил ему другой писатель тех лет, Гардизи.

Казалось бы, о чем еще говорить? И тем не менее. А как появились варяги на мировой арене? Кто были они? Эти вопросы слабо исследованы, они не случайны: из ничего не мог же появиться народ. Тем более что следы исторического присутствия варягов есть, и они внушительны. Стоило бы присмотреться к ним внимательнее.

В Скандинавии уже давно найдены памятники с древними тюркскими рунами. Откуда? Вопрос открытый. А могла ли письменность Алтая сама, без людей оказаться здесь, в Скандинавии? Нет, конечно. Таинственные письмена не раз пытались прочитать скандинавские ученые, но, не зная тюркского языка, сделать это трудно. Поэтому у каждого переводчика получался свой «перевод», а у всех – одна неразгаданная тайна.

Тюрки-кипчаки пришли в Скандинавию, судя по иным событиям, еще во времена Аттилы, расцвет их культуры здесь пришелся на VII век. Всадники принесли умение обрабатывать землю плугами, выращивать крупных домашних животных, плавить железную руду, чего местные жители (охотники и рыболовы) делать не умели.

О тех далеких днях свидетельствуют и «оленные камни», издавна служившие тюркам ориентирами на местности. И на них те же рунические надписи и орнаменты Алтая, родины тюрков... Участие тюрков в «рождении» варягов (как нового народа!) более чем очевидно. Это прочитывается в скандинавских сагах, например в «Саге о Виланде» или «Саге о Сигурде», там очень много тюркской символики.

Даже героическая «Песнь о нибелунгах» имеет исторические корни и хозяина (нифлунгами тюрки в древности называли богатырей, служивших дракону)... Конечно, об этом нужен отдельный рассказ. Частью его могла бы стать история Исландии, еще одной «Руси». Название у страны четко выведено из тюркского корня – «Горячая земля». Версия «Ледяная земля» для горячей Исландии не подходит: ледяных островов в Северном океане много, а горячий только один.

Страна вулканов и гейзеров сохранила своим государственным флагом голубое знамя Аттилы с двумя шлыками... Что еще надо? И это не все. Есть старинная

географическая карта, по которой сверяли путь варяги, когда-то она хранилась в музее Венгрии. На этой карте, слева в углу, кто-то написал тюркскими рунами короткий текст. Возможно, это сделал варяг по имени Тюрк, он был вместе с Лейвом Эйриксоном в легендарном плавании 1000 года, когда они открыли Америку за пятьсот лет до Колумба. Знаменитую и таинственную землю Винленд.

Сейчас эти данные кажутся неправдоподобными. Но они не придуманы... Потому что слово «рус» есть даже в «Собрании тюркских наречий» средневекового ученого Махмуда Кашгарского, большого знатока древнетюркского языка. Он жил в Средней Азии и вряд ли что слышал о скандинавах. «Рус» – так древние тюрки называли род гребцов и перевозчиков, то есть тех, кто добывал себе пропитание водным извозом. Иначе говоря, веслом.

Причем слово это «этническое», поясняет словарь.

Что надо отцам «славяно-русов»?

В упомянутом Житии святого Георгия Амастридского Л. Мюллер сумел тщательно разобраться. Он отделил «зерна от плевел», выявив исторически рациональное содержание в этом церковном документе. С ним согласились почти все специалисты по Византии, а развенчанная им теория «славяно-русов» ничего, кроме сожаления, не оставила. Так и должно было быть. Одновременно был развеян еще один миф, бытовавший в русской истории, – о походе и захвате новгородцами (или киевлянами?) южного берега Крыма, о чем якобы сообщал Нестор.

Неожиданно выяснилось, что пространная запись об этом походе появилась «у Нестора» примерно в XV веке, то есть через четыреста с лишним лет после смерти самого автора (тогда появились едва ли не все древнерусские «документы»). По заказу Москвы их писали монахи. Естественно, Мюллер был в шоке, и он дипломатично поставил под сомнение русскую версию, объяснив, что описание похода русов на Сурож в Житии Стефана Сурожского точнее – оно хотя бы написано участниками событий или по их воспоминаниям.

Как и следовало ожидать, тот древний текст, о котором русские «летописцы» не знали, очень отличался от их «летописи». Удивился Мюллер и тому, что обнаружил, будто славяне пришли в Крым из Новгорода (так следовало из русской «летописи»), хотя такого города тогда не было. Был шведский город Холмгард, который потом переименовали в Новгород.

Кто же захватил Сурож? Думаете, и вправду Дир? Или Аскольд, как написано в «летописи»? Нет, нет и нет. Имя вождя не имело отношения ни к славянам, ни к Новгороду. Его звали Бравлин, он был из Швеции... Справедливости ради надо заметить, что «сурожский поход» вызывал законные сомнения и у российских историков. Даже Н. М. Карамзин выразил недоумение. Но не более того.

В более поздних средневековых текстах, например в проповедях константинопольского патриарха Фотия, исследователи нашли немало любопытного о русах. В частности, там упоминается, что они пришли в Константинополь с севера, издалека, минуя «области других народов», плыли судоходными реками и морями. Сами по себе эти документы интересны. Однако не менее интересно их изложение в «Повести временных лет», этом наиболее авторитетном документе, на который ссылаются едва ли не все, кто касается истории Древней Руси.

«Повесть...», написанная через два и более веков после иных событий, находится в вопиющем противоречии с истиной. Очень многое (едва ли не все) перепутано, причем перепутаны не только детали, но и участники иных событий.

Патриарх Фотий видел своими глазами нападение русов, он поднимал народ на защиту города, он, несомненно, был осведомлен лучше «Нестора». Однако от этих русских несторов в черных сутанах мы приняли еще в школе мутную чашу своего незнания. Сохранились тексты двух проповедей Фотия. Они звучали в самый разгар событий: одна – во время осады столицы, другая – после ее снятия... Но мы не знали правды.

Дотошный Л. Мюллер, сопоставив эти документы с текстом «Повести временных лет», поразился. Находя противоречия непримиримыми, он пришел к неутешительному выводу: тексту «Повести...» вообще доверять нельзя. Все там плод воображения монахов-историографов, придумавших легенды о России. Даже Александр Сергеевич Пушкин обманулся из-за своей доверчивости. Не знал поэт, что не прибивали славяне щит к вратам Царь-града – то был варяжский щит.

Однако обвинять летописца Нестора в искажении событий нельзя. Не виноват. Не он искажил их!

Кто они, святые Кирилл и Мефодий?

Надежность российской историографии вызывает сомнения, стоит лишь задуматься над ней. Порой оторопь берет, лучше бы ничего не знать. Показательна история со славянскими первоучителями, святыми братьями Кириллом и Мефодием: им и памятники ставят, и праздники в их честь проводят. Но кто и где доказал, что они были славянами? И вообще имели отношение к славянству?

Родились братья в Дешт-и-Кипчаке, в каганате Великая Булгария, где столицей был город Фанагория. Говорили на тюркском (или, как его теперь называют, «протоболгарском») языке. Что в них было славянского? Новую письменность они придумали для своего родного языка взамен старой, которая была на основе рунической. В русском языке братья разбирались, как в китайском или зулусском, – просто не знали его.

Святой Кирилл не изобретал славянский алфавит – кириллицу, он придумал глаголицу. А это вовсе не одно и то же. Различие между ними, как между китайским и вьетнамским письмом: что-то общее есть, но не более.

Тюрки издревле писали руническим письмом, это была особая, ни на что не похожая графика. Она очень отличалась от принятых в Европе греческих и латинских литер. Еще у тюрков была своя скоропись, так называемое «уйгурское письмо», которое потом легло в основу арабской вязи.

Желая придать своей письменности европейский вид, братья преобразили руны в литеры. Вот и все, что они сделали. В их глаголице не было слепого копирования греческих литер, а были свои буквы для специфических звуков тюркского языка. Поэтому в глаголическом алфавите сорок знаков. В славянских языках, как известно, нет стольких звуков.

Откуда же взялся этот эпизод со «славянскими первоучителями»?

Видимо, когда-то в рассказы о братьях вкралась ошибка (или то было все-таки умышленное искажение?), поначалу ей не придали значения, потом сроднились, сделав страницей истории славян. Так, в церковнославянском переводе Жития святого Кирилла сказано: «В Херсонесе Кирилл учился у руса русской грамоте и языку». С этой фразы все и началось. И речь не о том, что даже из этих нескольких слов видно, что Кирилл русским не был (чего, впрочем, не отрицает и православная публицистика). Хуже другое – в греческом оригинале этой фразы вообще нет!

В чем же дело? Выяснилось: в русском тексте слово «сурский» всюду заменено словом «русский». Отсюда все и встало с ног на голову... Конечно, это не было ошибкой, а было подлогом.

Но сочинители не учли сущей мелочи: в IX веке «русскими» называли варягов, а слово «сурский» означало «сирийский». Славяне и здесь были ни при чем. Обращение к сирийским книгам естественно для Кирилла и для других просветителей того времени. Восток тогда славился очень высокой культурой и просветительством, он был на две головы выше Запада. А русских книг не было и в помине. Если нет письменности, откуда быть книгам?!

Славяне (все-таки правильнее венеды), равно как и варяги, не имели своей письменности. Да, на найденных близ Толлезского озера якобы древнеславянских скульптурах заметны надписи. Но какие? Рунические. Тюркские. Очень похожие на те, что были у древних германцев и у варягов. И у самих тюрков, разумеется.

Легенду о мифических «первоучителях-славянах» не подтверждают ни византийские, ни какие-либо другие документы. Н. М. Карамзин ее заимствовал у Нестора, заведомо зная, что это не так, но уступил традиции, сложившейся в России. К сожалению. Его заставили так поступить, потому что писал он свою «Историю...» по заказу царя.

Великого Карамзина, конечно, смущало, что император Михаил, якобы отправивший в 898 году Кирилла и Мефодия переводить книги на славянский язык, был убит в 867 году, следовательно, отправить их просто не мог. Они жили в разное время. А потом – как переводить книги, если нет славянской азбуки? Если славяне не умеют читать? Если переводчики не знают их языка? Кому нужны такие книги?

Кириллица – «славянский особенный алфавит» – появилась после смерти Кирилла. И не раньше! Ее не было при нем хотя бы потому, что, как следует из Жития, старец взял имя Кирилл буквально перед самой смертью, когда занемог и принял святую схиму. До этого его звали Константином, с этим именем он прошел по жизни... Выходит, даже слова «кириллица» не могло быть при его жизни. Это более позднее изобретение.

Впрочем, у средневековых историков сомнений на сей счет не было. Например, богемец Добнер писал: «Истинная Кириллова азбука есть Глагольская. Буквы Глагольские грубые и нескладные, имеют все признаки древности и не сходны ни с какими другими. Кирилловские же суть не что иное, как Греческие и не могли бы в IX веке прослыть новым изобретением. Между ими видим только семь не Греческих букв, которые взяты из Глагольской азбуки».

Правда, Карамзин отмечает, что глаголицы не прижились у славян якобы «по причине кудрявости знаков», но он явно лукавил. Кириллицы не менее «кудрявы». Причина, конечно, иная, и великий Карамзин не мог об этом не знать.

Есть ли в языке славян звук «мягкое “г”», характерный звук для тюркского языка? Или носовые звуки? Или йотированные? А Карамзин родом был из крымских татар и тюркский язык, несомненно, знал... Нет, не в кудрявости дело. Глаголицы просто не подходили для славянского языка, в котором звуков меньше, чем в тюркском. Так же как не подходила бы ему армянская или японская графика письма.

Именно из-за ограниченности звуков язык славян греки находили «весьма грубым». Иным он и быть не мог, потому что выражал мысли кочевых скотоводов, не имевших, как отмечал Тацит, «мягких» культурных традиций.

Руническая письменность, которая была преобразована в глаголицу Кириллом и Мефодием, появилась в Европе после Великого переселения народов, ее в IV–V веках принесли воины Аттилы и их предшественники. Эта письменность была известна на Алтае задолго до новой эры. Любопытно, что для жителей Центральной Европы тюркское руническое письмо веками оставалось единственным, позволяющим изложить свои слова на бумаге. Другой письменности у народов этой части Европы не было.

Придумав славянских первоучителей, русские «летописцы» отправили старца Кирилла (хотя правильнее – Константина) в Киев, не зная, что следы его деятельности зафиксированы в других (не российских) источниках, где о киевском вояже нет и речи. Их опять подвела самонадеянность, неизбежная для страны, где историю «пишут» либо кучки монахов, либо заказные ученые-поденщики.

«Протоболгарская» или церковнославянская версия жизни братьев явилась на свет с легкой руки Греческой церкви. Вот когда и от кого трагическое непонимание пришло в Великую Степь! Византийцы, желая утвердиться на востоке Европы, шли на любую подлость. Они подбили болгарского хана Богура (известного ныне под именем царя Бориса) уравнивать в правах своих подданных – тюрков и венедов. Иначе говоря, венедам, бывшим тогда рабами, посулили свободу.

Новый народ называли «славянами».

Потом Богур вложил в руки венедов оружие и совершил государственный переворот, настоящую измену – пятьдесят две благородные тюркские семьи были обезглавлены мятежниками. И – у хана Богура не осталось конкурентов на трон. Потом этот предатель тюркского мира в 864 году навязал своему «новому» болгарскому народу греческое христианство. При крещении взял себе имя Михаил, в честь крестного отца, византийского императора Михаила III, прозванного Пьяницей.

Вот зачем понадобились братья Кирилл и Мефодий, их руками греки начали «писать» историю новоявленных болгарских славян, чтобы потом веками господствовать над этим «новым» народом.

Тюркское перелицовывали в славянское... Вернее, сперва в церковнославянское.

Туман крещения Руси

Много тумана в истории христианизации славян. Правда, не столько в Болгарии, сколько на Руси. Здесь туман вообще безнравственного свойства. Едва ли не все,

что говорится об этом важнейшем государственном акте, есть домыслы и предположения. Даже дата крещения.

Легенда об Андрее Первозванном, посетившем землю, где потом поднялся Киев, не более чем миф, появившийся в XII веке. О деянии апостола сообщает авторитетнейший историк Церкви Евсевий Кесарийский со ссылкой на Оригена, но он говорит только о посещении святым Андреем Скифии[3 - Слово «Скифия» у греков было собирательным, скорее географического оттенка, чем исторического или этнографического. Так называли земли, лежащие к северу от Черного моря, и народы, заселявшие их. Греки «по своему невежеству» (выражение Н. М. Карамзина) именовали кельтами и скифами не единоплеменные (!) народы, а все население остальной Европы – Западной или Восточной.], то есть северного побережья Черного моря. Дальше каганата Великая Булгария апостол не ходил.

На Руси же веруют только в «сотворенного кумира»: мол, Андрей Первозванный и есть первокреститель славян. Нет. Во времена апостола не было славян! Следовательно, крестить ему было некого.

Впрочем, это «путешествие» – вымысел от начала до конца. Только улыбку сожаления вызывает, по выражению Л. Мюллера, «анекдот, издавна ходивший по Руси». Например, у ильменских славян апостол изумился русской бане. Сочинители легенды не знали: у Ильмень-озера венеды (это еще не славяне!) появились не ранее V-VI веков, через пятьсот лет после смерти Андрея. И о какой «русской бане» речь, если изобретение это тюркское? «Бу-ана», в переводе означает «мать пара», то есть «парная».

Неутомимый Мюллер в своей замечательной книге «Крещение Руси» мастерски показал, как создавалась эта очередная легенда российской истории. Лишь невежество вдохновляло творцов ее. Слух пустили киевляне, новгородцы подхватили и дополнили. Дальше он рос как снежный ком, катившийся по мере продвижения власти Греческой церкви в этот самый последний уголок Европы, принявший христианство.

Славянам нужен был свой святой, своя история. Вот для пущей достоверности и обрастало деталями «путешествие» апостола Андрея по Руси.

Здесь не о чем даже говорить, что-то анализировать. Это – апокриф, то есть не признаваемое даже Церковью литературное произведение, однако и оно стало страницей «истории» Великой России. Дата рождения этого вымысла – времена Владимира Мономаха, когда историю переписывали с особым рвением. Тогда, в 1102 году, один из потомков князя получил имя Андрей, на Руси появились церкви, освященные в честь Андрея Первозванного, сложилась традиция богослужения в честь «первокрестителя Руси», о котором прежде не ведали. Откуда пришел на Русь этот вымысел? Опять-таки из Византии. Там в IX веке была своя легенда об апостоле Андрее, якобы заложившем Константинополь и основавшем первую христианскую общину. Русские продлили маршрут его путешествия, только и всего. Но Византия действовала осторожнее, там о «пришествии апостола» вспоминали редко. При случае. Когда были политические причины (из-за них, собственно, и возникают легенды, выдаваемые за историю народов).

Российская же историческая наука делает вид, будто ничего не знает. Она даже не пыталась исследовать, кто стоял во главе русской Церкви, на каком языке велось богослужение, как и когда проходило крещение. Поверила Церкви на слово и замолкла. Впрочем, ее молчание и бездеятельность – к лучшему. Слишком уж деликатная тема. А неизвестно в ней все! Она – «белое пятно». Поэтому лучше не замечать, чтобы не проговориться и не сказать правды.

Тем не менее есть очень любопытные факты; они, конечно же, не позволяют утверждать что-то, а заставляют лишь задуматься над известными реалиями.

Например, в Киеве, да и не только там, храмы были задолго до официальной даты крещения Руси. Это доказано археологами. Действовала церковь Ильи Пророка на ручье Почайна, о ней упоминали византийские авторы. В городе были и другие церкви. Для кого служили они?

Здесь явно что-то не так, как утверждает официальная наука.

Выдвинута версия о некоем «первом крещении» Руси. Версия изначально слабая, это признают все специалисты, но она есть. Потому что был повод для подобного предположения. Его дал константинопольский патриарх Фотий (820–890), который в Окружном послании упомянул, что варяги (русы), как и болгары, впервые познакомились с христианскими таинствами в 60-е годы IX века.

Из того же текста проступало и другое – к моменту написания этого послания киевляне имели своего епископа и известную Византии церковную иерархию! Как долго существовал епископат на Киевской Руси? Сколь велик он был? Кто был его Владыкой? Пока это так и остается непроясненным.

Ясности не прибавилось, когда ученые версию Фотия сопоставили с трудами императора Константина Багрянородного. В биографии своего деда Василия I Македонянина Константин приписывал ему честь крещения киевлян. Ему и патриарху Игнатию. Может быть, теперь все встало на свои места?

Нет. Мешает одно «но»: патриарх Фотий жил раньше. И если уже он писал об известных ему христианах в Киеве, то патриарх Игнатий, следовательно, первым крестить их не мог...

Из упомянутых документов следует бесспорный вывод: в IX веке христианские традиции на Украине были. Значит, крещение так называемой «Руси» состоялось... до появления варягов. Невероятно, но факт. Других вариантов нет.

Христианство не изменилось и после захвата Киева Хельгом (Олегом). Тогда, в 882 году, за столетие до официальной даты крещения Руси, этот варяжский разбойник попытался навязать киевлянам свою веру Одинову, но те стойко противились. Пока язычники-варяги сами не признали крест.

Может быть, поэтому и называют украинцев «хохлами» – за особую душу, за ее приверженность Богу. Слово хохол с тюркского переводится возвышенно: сын неба. Наперекор страху «сыны неба» собирались на острове Святого Георгия, ходили в церковь Ильи Пророка на ручье Почайна. Даже в окружении князей-русов, захвативших Киев, появились христиане. Откуда?

Вот здесь и всплывают неизвестные подробности. Воистину, «у лжи короткие ноги». Оказывается, на территории нынешней России был Патриарший престол Восточной церкви. На Кавказе, в городе Дербенте. С 304 года! Руководили им тюркские священнослужители. Здесь крестились Европа и Ближний Восток. Отсюда основоположник Армянской церкви Григорий Просветитель вез на царской колеснице в сопровождении отряда всадников святой крест для Европы. Здесь были рукоположены и грузинские, и албанские, и сирийские, и коптские, и византийские епископы. Все это было до Вселенского собора 325 года... Как же можно забывать об этом!

В России самые древние в мире христианские храмы, а о них не знают. Потому что вычеркнута целая эпоха Истории.

Непростительно для христианина не знать и то, что в 449 году Эфесский церковный собор утвердил Скифскую епархию, куда входил Киев, вернее Баштау. А крестились киевляне, выходит, еще раньше...

Не только о крещении Руси сообщает «Повесть временных лет» легендарные истории. Взять, например, известие о крещении и помолвке киевской княгини Хельги (Ольги) с византийским императором Константином VII. И в этом эпизоде знаток истории Византии наверняка нашел бы подлог. Оказывается, император Константин до приезда киевской княгини был женат. А Хельга (Ольга) приехала уже христианкой! Так что о византийском ее крещении нет и речи.

Понимаю, нельзя быть категоричным – тема деликатная: в ней на каждое «за» оппоненты упрямо находят свое «против». Но факты, факты... В составе посольства русской княгини был киевский священник отец Григорий! Факт документальный. Как отвернуться от него? Сохранились сведения и о приеме киевской княгини в Константинополе, о нанесенном ею визите семье императора, о ее короткой дружбе с царицей Еленой. Язычников так не принимали.

Когда и где крестилась Хельга (Ольга)? Видимо, в интервале с весны 944 (после смерти мужа-язычника) до начала 946 года. Если же учесть, что обряд крещения взрослого человека занимал месяцы, то 945 год будет весьма вероятен.

Замечу, слова «весьма вероятен» не означают «окончательный» или «общепризнанный». Древлеправославный обряд крещения взрослого складывался из пяти актов, которые проходил каждый принимающий крещение. Таким образом, крещение растягивалось для одних на четыре-пять месяцев, для других – на годы.

А вот место ее крещения ученым разгадать не удалось. То ли сам Киев, то ли Брянск (Биринчи, Брянечьск назывался он тогда), там была духовная столица Скифской епархии. Но только не Константинополь. Не Византия.

Много загадок оставил тот визит. Неясна его цель. О чем киевская княгиня вела переговоры? Возможно, речь шла о статусе Киевской Руси, молодого

государства. Возможно, о каких-то духовных проблемах – не случайно же княгиня крестилась перед поездкой. Возможно, с ее стороны была какая-то посредническая миссия в пользу Рюрика – Скандинавии. Неизвестно.

Визит не дал никаких результатов, после него отношения между Киевской Русью и Византией не изменились.

Однако одна подробность все-таки обращает на себя внимание. Известие это вытекает из хроники магдебургского епископа Адальберта, который писал о своей поездке в Киев по просьбе княгини Хельги (Ольги). Поездка, знакомство с городом – все это интересно, но епископа поразило другое: киевляне выпроводили его восвояси. Вон! Латинослужитель оказался не ко двору. Для молодой христианки, какой была княгиня Хельга (Ольга), разницы между Восточной и Западной церковью не существовало. Почему?.. А вот это как раз и наводит на размышления! Случайно ли латинослужитель был в Киеве?

Киевляне считали себя приверженцами восточного обряда, поэтому выгнали епископа Адальберта. Значит, в отличие от своей княгини они разбирались и в нюансах религии...

Древлеправославие – забытая основа российского христианства.

И еще одну новинку нашел Л. Мюллер, разбирая родословные русов, киевских князей Святослава и Ярополка. Немецкий историк, которого трудно упрекнуть в предвзятости, придавал значение известному факту, что Ярополк и его брат Вальдемар (Владимир) были от разных матерей. Шаг за шагом, исследуя их биографии, он установил, что в 70-е годы X века – заметьте, опять же до официальной даты крещения Руси! – в варяжском обществе Киева идеи христианства были популярны. Ярополк «сидел» на Киеве, его жена была христианка. Вальдемар княжил над венедами в Новгороде, где христианства почти не знали. А это как раз и объясняет многое. Например, то, что психология язычника всегда выдавала князя Вальдемара. Захватив Киев, он сразу же начал казни христиан. И еще оргии, они тоже из языческого обихода.

Так входил в историю России этот «креститель Руси».

Но что произошло с распутным князем в 987 году – загадка. Как следует из «Повести временных лет», в тот год он якобы пригласил к себе христианина,

иудея и мусульманина для выбора веры. И выбрал. Хотя выбирать князю было незачем!

Нет, проблема выбора у него была. Но не религиозная, а геополитическая: на кого равняться Киевской Руси в международной жизни. Вальдемар взял курс на Византию. Он полагал, что следовать в фарватере восточной (а не западной!) политики желательнее. Вот в чем был его выбор: между Востоком и Западом, между религиями разных регионов мира. Остаться внутри себя было нельзя. Это значило уйти в небытие, отойти от мировой культуры, торговли.

Когда же крестились Русь и сам князь? А столь ли это важно? Тем более, что в Греческой церкви дата крещения Руси не зафиксирована. Поэтому в середине XI века византийские писатели (Пселл и другие) называли Русь языческой страной.

Из чьих рук киевский князь принял крест, если в Византии не сразу узнали о крещении Руси? Тайна за семью печатями. Государственная тайна.

Переписывание истории

Загадки, тайны... А ведь именно в них обнаруживается, что рядом с Киевской Русью и Византией находилось НЕЧТО, сознательно скрываемое, окутанное тайнами, о нем стараются не говорить. Будто его и не было.

Это НЕЧТО арабы называли «Дешт-и-Кипчак», а европейцы – «Великая Степь». То была тюркская страна, самая большая страна в средневековом мире, она и влияла на ход иных событий. Поэтому-то возникают в российской истории неточности и натяжки. Как тут не вспомнить о шиле, его в мешке не утаишь. Это уж точно. А здесь целую страну решили утаить.

Неплохо для начала.

Однако, прежде чем обратиться к таинственному Дешт-и-Кипчаку, о котором, собственно, эта книга, еще раз подчеркнем: русы, как им и положено, носили варяжские имена, позже стараниями простодушных «летописцев» переделанные в славянские: Хельга стала Ольгой, Ингвар – Игорем, Вальдемар –

Владимиром. В документах той поры фигурируют Хельга и Хельг, Вальдемар, Гуннар, Вермунд, Фаулф, Ингалд – правители Киева X века.

Славян в Древнем Киеве у власти не было. Об этом убедительнее слов свидетельствует и текст договора, заключенного в 911 году между киевскими князьями и Византией. Договор начинался так: «Мы от роду Русского, Карл, Ингелот, Фарлов, Веремид, Рулав, Гуды, Рауль, Карн, Флелав, Рюар, Актутруян, Лидулфост, Стемид...» Вот кто представлял Русь на переговорах, вот кому доверялось говорить от имени Руси.

«Имена первых русских людей – варягов и их дружинников – почти все скандинавского происхождения», – отмечал известный российский историк В. О. Ключевский (1841–1911).

Дело здесь, разумеется, не только в том, на каком языке были те документы или говорили те люди. Все значительно глубже. В седьмой и восьмой своих статьях документ оговаривал, что русы и греки не могут быть рабами – «купленными невольниками». Это два свободных народа! Но на венецков договор не распространялся. Славяне в X веке были «живым товаром», источником дохода, ими русы торговали на невольничьих рынках Византии и Востока. Об этой торговле писали Константин Багрянородный, византийский император, и другие авторы.

Поэтому витиеватые рассуждения Карамзина о славянском языке договора 911 года и всех других документов Киевской Руси, мягко говоря, не убеждают. На любом языке народов мира могли говорить в Киеве, но только не на славянском – на языке рабов правители не общаются.

Вероятнее другое: тюркский язык господствовал в Дешт-и-Кипчаке и на Украине. На этом языке пять веков велось делопроизводство Византии со Скифией. Тюркский язык за годы правления вполне могли вспомнить и варяги, он был хорошо знаком скандинавам, судя по их же археологическим памятникам.

К сожалению, письменные документы Киевской Руси таинственно исчезли. И не пожары тому причина... Не вражеские нашествия...

Истинный знаток русского летописания академик А.А. Шахматов (1864–1920) обнаружил, что документы не исчезли. Их переписали. Например, «Повесть

временных лет» Нестора претерпела за века по крайней мере двукратную капитальную переработку. «Летописцы» новых поколений дважды правили ее! Более поздние исследователи доказали пятикратное переписывание отдельных фрагментов главной летописи Руси. В результате черное стало белым, зеленое – покраснело.

От труда Нестора ничего не осталось.

Разобрав хронологические домыслы, Шахматов счел возможным утверждать, что в тексте главной летописи Руси до 945 года лишь четыре (!) исторических эпизода согласуются с действительностью. Все остальные – на совести «летописцев». По мнению Шахматова, летописи (как и историческая литература) на Руси служили «вместо цели нравственного назидания целям государственной политики», для которой легенды и домыслы желательнее, чем истина.

Нельзя не согласиться и с П. Н. Милюковым, который в 1898 году написал: «С конца XV и начала XVI столетий они (московские «летописцы». – М.А.) уже не довольствуются тенденциозным изложением современных летописцу событий и начинают вносить тенденциозное освещение в изображение прошлого. Сложился ряд официозных легенд, доказывающих справедливость московских политических притязаний, права московского государя на всю Русь, на киевское наследство, наконец, на власть византийских императоров».

Вот откуда и когда зародилось «москальство»: с XV столетия. И появилась «москальская история» России: переписывание, сочинительство стали нормой[4 - «Академики(поденщики», в очередной раз переписывая историю России, охотнее обращались к летописным мифам, чем к документам, и истина отступала перед воинствующей партийной публицистикой, разоблачающей все и вся, даже то, что бесспорно. Пользуясь монополией на информацию, деятели от науки, подобные академику Б. А. Рыбакову, прививали читателям чувство ложного патриотизма, насаждая невежество путем придумывания новых мифов. Не хватало своих легенд – охотно обращались к легендам и мифам соседей. Чего стоят, например, ссылки на армянские легенды, якобы доказывающие время закладки Киева. Однако не все русские ученые так далеко зашли в своем «творчестве». Академик В. Л. Янин в 1994 году, когда цензурные пути только(только ослабели, писал: «Главный источник знаний о событиях IX–XII веков – летопись, но она сохранилась в редакциях более поздних столетий, а ее основа, написанная в начале XII века, изобилует легендарным элементом, еще более усиленным позднейшим редактированием... Отсюда происходило как бы

удвоение мифологического элемента: к легендам летописи добавлялись легенды, созданные исследователями».]

Русская история совсем иная, чем это кажется сейчас. И тысячу раз прав тот же В. Л. Янин, утверждая, что «очищение исторических представлений от укоренившихся в них мифов возможно лишь методами источниковедческой критики».

А начало всему положил князь Владимир Мономах, который в 1116 году изъясил «Летопись Нестерову» из Печерского монастыря и перевел ее в придворный Выдубицкий монастырь, где текст попал к игумену Сильвестру. Он-то и «переписал» историю Руси.

Но князь Владимир был недоволен, он не увидел Русь славянскую.

Через два года появился новый текст, над которым страдал уже старший сын Владимира Мономаха, князь Мстислав, самый решительный русский «редактор». Внук английского короля, зять шведского короля, воспитанник новгородского боярства, среди которого были сильны варяжские и венецианские традиции, князь Мстислав написал Историю по своему разумению: в его редакции Новгород стал ближе Руси.

Стараниями князя Новгород затмил Киев. Вся история Украины, что предшествовала русам, была перечеркнута. Киев помолодел сразу лет на триста. По-новому предстала роль варягов, этих «спасителей» и «благодетелей»: помните – «приходите княжить и владеть нами».

Венеды под крылом варягов выпрямились, назвались «славянами», обрели историческое лицо и место под солнцем на Руси. Рабство кончилось, «невольничья» страница их истории была перевернута. Ее надо было быстрее забыть.

И – не стало захвата Киева Хельгом. Забыли об убийстве украинского кагана Аскольда. Ничего не осталось, кроме Кия, о котором прежде никто не упоминал. Это – полностью придуманный персонаж... «Славяно-норманнский редактор», князь Мстислав, оставил столько несуразиц, они-то и превратились потом в историю государства Российского. Из Нестеровой летописи вычеркнули все, на чем покоилась история, начиная с V века, когда был основан Киев.

«Новым русским» не требовались страницы, предшествовавшие Руси.

Этот злой «редактор» составил перечень славянских племен, будто бы основавших Русь. До него о них никто не знал, ни о каких «древлянах-полянах». Не было их на Днепре.

Позже к его сочинениям добавились новые. Сердцевиной Руси сделали Московию. Никого не остановило, что у Москвы-реки жили финно-угорские народы, с ними соседствовали тюрки. Славян не было и здесь. Так продолжалось до XIII века. Эти два коренных народа, в разное время попавшие под власть московских князей, ныне зовутся «русскими», «славянами», а Московия – центром Руси.

И ради того, чтобы все мы не знали своих корней, придумывалось вечное переписывание истории. Делалось все, чтобы люди забыли о прошлом.

Зачем о себе знать покоренным?

«Конкретных свидетельств ничтожно мало»

Повторюсь: венеды, предки нынешних русских, издревле населяли область, границы которой очень приблизительны – она лежала к северу от Карпат, между Вислой и Одером.

«О предыстории славян известно немного, – пишет историк с мировым именем профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс. – Археологический материал, который нельзя связать с какой-либо определенной этнической или даже расовой группой, окаменевшие обломки языков и этнические названия давно сгинувших народностей, попадающиеся в ранних исторических сочинениях и рассказах путешественников, породили изрядное число теорий, однако конкретных свидетельств ничтожно мало».

Подобно Плинию и Тациту историк VI века Иордан тоже упоминал о венедах, но они обитали уже в соседстве с эстами и другими балтийскими народами. То есть не там, где прежде. Их вытеснили. Венеды более «славились своей

многочисленностью, нежели искусством воинским», отмечал Иордан. А еще они славились тем, что в древности поставляли в Грецию янтарь, который собирали там, где река Эридан впадает в Северный океан. Гомер писал об этом! Река Эридан, судя по всему, сегодня зовется Даугавой.

«Немецкие Славяне, подобно дунайским, обожали (обожествляли. – М. А.) еще реки, озера, источники, леса, – утверждал Карамзин, – и приносили жертвы невидимым их Гениям, которые, по мнению суеверных, иногда говорили и в важных случаях являлись людям. Так, Гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу Славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах. Мы знаем, что и Российские Славяне приписывали озерам и рекам некоторую божественность и святость».

И далее: «У многих народов Славянских были заповедные рощи, где никогда стук секиры не раздавался и где самые злейшие враги не дерзали вступить в бой между собою». В этих рощах люди собирались на молитвы, на языческие праздники.

Не имевшие государства и государственной власти, венеды жили племенами. Но уровень их культуры был низок, он не позволял создать что-нибудь, что позаимствовали бы соседние народы. Ничего. Поэтому нет археологических находок на их древней родине, и ожидать их трудно.

Простота быта этого народа умещалась в одной-единственной фразе: «Они скрывали свое имение, как воры». Отправляясь на войну или прячась от нагрянувшего неприятеля, свое нехитрое имущество венеды зарывали в землю. «Не отягощать себя имуществом» – было их традицией.

До середины V века венеды жили в центре Европы, тогда их и потревожили гунны – так греки называли тюрков-кипчаков. Аттила пришел в Европу и стал по-новому кроить ее. Великое переселение народов клонилось к закату.

Именно в эпоху Великого переселения венеды как народ распались на отдельные племена и в поисках лучшей доли разбрелись по лесам Европы. Они скрывались, где могли. В труднодоступных и необитаемых болотистых лесах Ильмень-озера задымили их первые землянки: домов лесные жители не строили. Не умели.

Конечно, нелегкая доля выпала им, оказавшимся волею судьбы среди чужой природы, среди чужих народов. Этим и объясняется то, что венеда надолго стали «живым товаром» на невольничьих рынках Европы и Востока. Неспособность постоять за себя обернулась обязанностью работать на других.

Весной 591 года три невольника-венеда попали в Византию, и в истории Европы появилось зафиксированное имя «словины». Известие взято из «Истории» Феофилакта Симокатты, византийца, который был родом из Египта.

Из той же книги известно, что венедам «незнакомо ношение оружия, так как страна их не знает железа». Жили они вдали от Византии. Видимо, дальность пути и охладила интерес византийцев к венедам, у которых нельзя было просить ничего, даже военную помощь. Трех пленников отправили на невольничий рынок в Гераклию (современный Монастир).

Как видим, здесь нет и намека на торжественный прием, однако кто-то в России увидел не допрос пленников, а именно торжественный прием «с величайшей почестью». Так возникла новая, вернее, очередная легенда в нашей многотомной истории. О славянах в России придумано немало... А это грех, ибо сказано: «Не лжесвидетельствуй».

Действительно, немало написано, но вот вопрос, почему они сменили свое древнее имя «венеда», остался без внимания. Как появилось имя «славяне»?

В основу легло «слово», уверяет школьный учебник. Ой ли? Сложилась версия: славяне – это «люди, умеющие говорить». Но согласуется ли такое объяснение с образом жизни венеда после V века? Кто бы им позволил много говорить?! Византийцы и русы торговали несчастными... Тут уж не до разговоров.

Представим себе Европу той поры: на земли венеда нагрянули враги, которые принесли смерть, рабство, гибель. Что могла предложить им судьба? Уносить ноги! И побыстрее. Переселившись с благоприятной равнины, венеда скрывались в горах Южной и Центральной Европы, кто-то ушел в северные леса, куда враги-всадники проникнуть не могли. Иных это уберегло, они сохранились. Иных – нет.

А люди, попавшие в рабство, как скажут о себе? «Мы словлены». От слова «лов». Значит, они – пленники! Заметим, в «Истории» Симокатты зафиксировано

именно слово «словины». Если словлены, то кем? Тюрками-кипчаками, которые завоевали тогда Европу. Слова «венеды» и «славяне» стали равнозначными, синонимами, они означали «раб». (Не случайно едва ли не на всех европейских языках «слав» или «слейв» имеют одно значение – «раб».)

Вот еще один фрагмент, уже из другой византийской рукописи (572 года): «В это время гунны, которых называли тюрками...» Значит, «гунны» и «тюрки» у греков тоже были слова-синонимы. А венеды? Как могли они называть тюрков? «Половцы!» Только «половцы». «По», как отмечал английский историк Дж. Флетчер, в древности означало «народ», отсюда по-ловец – «народ-ловец». Тоже от слова «лов». И историк XVI века М. Меховский считал так же, выводя слово «половцы» от древнерусского «ловы» – «охота».

Подобное объяснение наверняка вызовет отрицание. Да, оно не бесспорно, возможно, даже сомнительно. Согласен. Однако... оно неплохо согласуется с реалиями, отрицать которые трудно. Здесь нет витиеватости, приближенной умозрительности, все очень конкретно.

Чтобы не спорить по-пустому, вновь обратимся к историческим документам и логике. Например, Карамзин указывал: «при Олеге» на Руси не знали о половцах. Киевляне этим словом не называли своих южных или восточных соседей. Почему?

Потому что в Киеве царствовало двуязычие, но письменность была тюркская – глаголица. А в тюркском языке нет слова «половец», есть «кипчак», им и пользовались. Но когда к власти пришел новый правитель, князь Владимир, тюркский язык как государственный сменился на славянский. И – в обиход вошло слово «половец»... Правда, Карамзин увидел здесь не смену правителя и языка, а появление нового «народа» у границ Руси.

Однако переселения народов в XI веке не было! Не могло оно быть, поэтому неоткуда было взяться новому народу. Народы же «не падают с неба», как учил сам Карамзин.

Нелепость присутствует и в истории с печенегами, внезапно появившимися и внезапно исчезнувшими. Это тоже не народ, а одно из названий кипчаков. Так называли воинов восточного кагана, который в VIII–IX веках пытался объединить тюркские каганаты в единое государство. Но об этом позже.

Вновь обратимся к «России при старом режиме», книге Пайпса, признанного в мире специалиста по славянской истории и культуре. «Из того немногого, что мы знаем о восточных славянах этого периода (VII-IX вв.), – пишет Пайпс, – следует, что они были организованы в племенные общины. В лесной полосе, где жило большинство из них, преобладало подсечно-огневое земледелие, примитивный метод, вполне соответствовавший условиям их существования. Сделав в лесу вырубку и утащив бревна, крестьяне поджигали пни и кустарник. Когда утихало пламя, оставалась зола, настолько богатая поташом и известью, что семена можно было сеять прямо по земле, с минимальной подготовкой почвы... Эта земледельческая технология требовала постоянного движения». Иначе говоря, кочевого образа жизни.

Но американский профессор, очевидно, не учел существенной детали: славяне не знали металла, следовательно, топоров у них не было. Они лес выжигали, как и в первобытную пору.

«Подобно племенам в других странах, – продолжает профессор Пайпс, – здесь правил патриарх, обладавший безграничной властью над единоплеменниками и их имуществом. На этом этапе у славян не было ни институтов, ни чиновников, назначенных нести судебную или военную функцию, следовательно, ничего, что бы напоминало хотя бы самую рудиментарную форму государственности».

Выходит, у венедов той поры представлений о современной им культуре, о цивилизации не было даже в зачатке?! Выходит, Римскую республику окружали первобытные племена... Это даже не укладывается в голове, но Центральная и Северная Европа до прихода тюрков являли собой печальное зрелище. Это был «музей» первобытного человечества под открытым небом.

А тогда правомерен вопрос: могли ли правители Византии искать союза с такими славянами? Маловероятно. И все-таки у славян была СВОЯ культура!

Примитивная, но своя. Во многом уникальная, она позволила народу выжить в лесах, вести там хозяйство. Да, она отражала уровень жизни кочевого народа. Ну и что? В этом нет ничего ужасного.

Блестящие археологические исследования, которые ведутся с 1932 года в Новгороде, приподняли занавес над этой культурой. Это были вовсе не дикари, как пишет о них Пайпс.

Найдены тысячи и тысячи предметов быта венедов. Их орнаменты, формы самобытны и, что важно, не повторяются в других районах России. Так ученым удалось установить область обитания славян в IX–XII веках: не украинская степь, а леса около Чудского озера – Новгородчина. Найденные там берестяные грамоты (а насчитывается их без малого тысяча) куда лучше московских «летописцев» показывают историю славян.

Каждая грамота сообщает исследователям ту или иную деталь жизни народа, деталь не мнимой, а подлинной истории!

Тем непонятнее позиция иных историков, которые не желают замечать разницу между культурой Киева и Новгорода, приписывая и ту, и другую славянам. Зачем? Зачем посягать на чужое? Зачем выставлять в неловком положении себя, свой народ и своих предков?

Ну не могли венеды построить стольный Киев-град на берегу Днепра. У них не было орудий труда. В домах и крепостях они не жили. И даже если допустить, что случилось чудо, славяне все равно не построили бы Киев, потому что город находился на восемьсот километров южнее земли славянской! А прямой дороги не было – мешало Литовское княжество.

...В своих сагах Киевскую Русь русы называли «Гардарик» – «Царство городов». К славянскому краю это название совсем не подходило – из землянок, в которых жили там, города не составляются. Зато к тюркскому Дешт-и-Кипчаку слова эти подходили вполне. Арабские путешественники тоже называли Дешт-и-Кипчак «Страной городов».

В этой стране и был Киев!

Кипчакский Киев

Каждая новая ложь, как известно, горше предыдущей. Но только не в России. Новая «трактовка» событий здесь лишь усиливает желание придумать еще более новую и красивую интерпретацию. Об этом красноречиво свидетельствует история города Киева – вот где нет предела совершенству... Вечная тема.

Московские «летописцы» поместили известие о закладке города под 854 годом, сделав Кия современником Рюрика. Археологические же находки убеждают, что люди поселились здесь в V веке. Арабские источники подтверждают это. Таким образом, временной отрезок в 300–350 лет в русских летописях сократили до нуля. Что это значит? Это значит, что Петр I был современником Сталина. Они оба участвовали в Полтавской битве, а потом вместе проводили репрессии... Чушь полная!

Однако пример с Киевом как раз из этого ряда, он вошел в школьные учебники.

К усечению времени приложили руку весьма старательную, это излюбленный прием официальной российской истории – усекать время, хронология – ее больная тема. Здесь часто не сходятся концы с концами. В «Повести временных лет» вводную часть переписывали особенно изобретательно: там были страницы, предшествовавшие Руси! Их-то и «усовершенствовали».

Если поверить науке и принять данные археологов, то абсурдна история с Кием и его братьями как строителями Киева: славян в V веке у Днепра не было – не дошли еще. Кроме того, никто до XII века имя Кия не упоминал, о таком человеке в Киеве не знали. Но если согласиться с датой «854» год, указанной «летописцами», то вообще не остается места славянам: в верховьях Днепра уже хозяйничали варяги, которые возили свой «живой товар» на невольничьи рынки... Словом, безнадежная, или «патовая», ситуация, как говорят в таких случаях шахматисты.

Выход из щекотливого положения был найден блестяще: славян сделали «русскими»... То есть «подданными русов», или «людьми варягов». Это поначалу и подразумевали слова «русский» и «русич». Предлагался как бы готовый ответ на вопрос: «Ты чей?» – «Русский», значит, свой.

Простота необыкновенная: исправили имена варяжских правителей. И – история Киевской Руси стала славянской.

Но все ли? Достаточно ли проявленной «смекалки», чтобы начать новую историю новой страны и нового народа? Должны же быть какие-то серьезные причины, позволившие венедам поднять голову, заговорить на родном языке и в конце концов прийти к власти. Как и почему рабы стали господами?

Здесь нужен глубокий анализ, которого, к сожалению, нет. Хотя бы без краткого обзора мировых событий не обойтись: что творилось тогда в мире? В мировой политике? Откуда такие разительные перемены? Ведь в жизни все взаимосвязано.

Политический барометр в начале второго тысячелетия указывал на приближение бури. Склонялась к закату звезда Византии, эта цветущая страна, хозяйка раннего средневековья, угасала. Долго длившийся раскол Церкви завершился в пользу Рима, что и отозвалось эхом в политике, в экономике: Европа обретала новых хозяев, византийская династия слабела на глазах, она была не в силах управлять по-старому. В 1204 году по улицам Константинополя будут гулять римские легионеры, и это чувствовалось уже за сто лет до их появления. Мрак сгущался над некогда преуспевающей Византией и ее союзниками: перспективы их были самыми мрачными. Греки вынужденно от многого отказывались, экономили. Например, от янтаря, мехов, олова... Рабы-славяне тоже не находили сбыта.

Ответ русов не заставил себя ждать: у них пропал интерес к беднеющим византийцам. Путь «из варяг в греки» пришел в упадок. Бессмысленная война с Хазарией навредила самим же русам, лишив их торговли с Персией, которая велась при посредничестве хазар. И вот теперь потеря Византии.

Судьба Скандинавии и Киевской Руси решалась в Византии, они все вместе уходили с политической сцены, опускаясь на дно истории. Подтверждением трудного положения русских (варяжских) князей служит хотя бы то, что в середине XII века они полностью перестали чеканить монеты. Это говорит об их серьезных финансовых затруднениях, о свертывании торговли.

Венеды (этот «живой товар», «разменная монетка») оказались не у дел, стали никому не нужными. Их никто не ловил, никто не продавал. И «невостребованный» народ поднял голову. Из лесов он устремился в брошенные варяжские города на бывшем пути «из варяг в греки».

Направились они и в Киев. Этот цветущий таможенный город тоже пришел в упадок.

Киевские князья лишились поддержки из Рюрги – Скандинавии, и тогда слабый новгородский князь Вальдемар смело пошел на Киев. И легко взял его. Былого Киева не было! Дряхлеющий город сдался без сопротивления.

Любопытно выражение из летописи о венетах, нагрянувших сюда, как о людях, живущих «звериньским образом». Киевляне, помнившие былое, иначе и не могли назвать нахлынувшие толпы пришельцев. Видимо, тогда стычки между «новыми» и «старыми» киевлянами заметно участились. И в обиход вошло слово «кацап», что по-тюркски означает «бородатый козел» – так киевляне называли венетов за их «звериньский образ». А в ответ слышали – «хохол», вроде бы ругательство, но истинного значения этого слова славяне не знали.

Время тогда неумолимо работало на славян, им улыбалась судьба – в стране запустения настал их звездный час! Особенно когда на Киев «сел» князь Владимир, человек новгородцев. Лесные пришельцы быстро заполнили в обществе ту нишу, которую создали, а затем освободили для них русы. Такова была воля Божья.

Варяги, они и оставили славянам Киевскую Русь.

Но было ли у населения Руси чувство этнического единства? Сложился ли за эти годы русский народ? Маловероятно. Свидетельств тому нет, а реальность говорит как раз о противном: в XII веке Киевское государство распалось на отдельные княжества. На какие, как и почему? Это вопросы десятые, но факт остается фактом – государство, славянское ли, другое ли, перестало существовать... И междоусобицы здесь ни при чем.

Многое рассказали о той поре берестяные грамоты Новгорода. Они-то и дали основание доказательно опровергнуть то, что веками голословно заявлялось московскими «летописцами». Эти грамоты, пишет академик Янин, «позволили по-новому подойти к решению ряда проблем, прежняя трактовка которых казалась бесспорной».

Вот где правда о славянах. В документах, написанных ими самими. Только так и могло быть.

Во-первых, «в корне меняется представление о механизме образования Древнерусского государства IX–XII веков», которое возникло как попытка

объединения народов двух РАЗНЫХ культур – киевской и новгородской. Они действительно «отличались множеством признаков»: язык новгородских славян, например, являлся диалектом венеков, или «славян Южной Балтии», как назвал их Янин. У киевлян был совершенно другой язык.

Во-вторых, из текстов берестяных грамот прояснилось, что такое «новгородская республика». Оказывается, существовал договор между венедами и правящей варяжской элитой, он составлял «основу экономического могущества боярства». Варяжский князь не имел права собирать дань, ему причиталась лишь доля собранной дани, которую он получал как плату за правление, потому что состоял на службе у общества.

Договор между народом и правителем был сердцем Новгородской республики, ее кровеносной системой. Варяги собирали дань с соседних финно-угорских народов и тоже делили ее... Как видим, Новгородская республика отличалась от Киевской Руси государственностью... Даже здесь у них не было ничего общего.

Русь (государство, унаследованное славянами) не являлась продуктом их общества! Поэтому она не могла жить долгой жизнью: империи недолговечны. Русь не просто распалась, а распалась на враждующие княжества, у которых была разная политическая культура. Вот главное! Правители и народ, как известно, имеют взаимные обязательства друг перед другом. И выполняют их. Иначе правителя свергают, и страна разваливается. Что, собственно, и случилось.

Взрыв изнутри, когда страна распадается из-за «инородности» правителей и населения, в истории народов бывал не раз – это судьба многих империй. Однако известны случаи, когда распад этот обретал мягкие, эластичные формы и страна сохранялась. Скажем, та же Англия, которую захватили варяги и тоже поставили своих правителей. Правящая династия там умело балансировала, дань и только дань интересовала ее. О благополучии подданных пришельцы-властители заботились мало, в этом была их сила и одновременно слабость.

Но Англия страна маленькая, там все иначе, чем на Руси. Удержать Англию варяги смогли, несмотря на войны, которые велись веками.

Еще выразительнее пример Исландии. Там практически не было коренного населения, и варяжская колония из-за своей изолированности превратилась со

временем в самостоятельное государство, а потомки варягов – в новый народ с самобытной культурой и историей.

Ничего подобного быть не могло на Руси, где огромные территории, многолюдность, давление соседей с юга, востока и запада – все имело место, все влияло на события. Варяжская верхушка, объявив себя «славянами», пыталась по примеру болгарского хана Богура опереться на венедов и удержать власть, но сделать это ей не удалось... Другие масштабы. Впрочем, и потомки испанцев, завоевавших Мексику, уже не считаются испанцами. То же стало с русами, создавшими славянскую общность и бесследно исчезнувшими в ней.

Но русы, в отличие от испанцев, дали своей этнической общности имя – «русские». И это все, что от них осталось.

Вот почему в годы смутного XII века князь Мстислав столь поспешно вторично переписал «Повесть временных лет»; по-своему повернув прежнюю историю Киевской Руси, придал ей славяно-русский акцент, которого не было прежде. Его версия прижилась. С ней сроднились.

Никого не смущает полное отсутствие логики. Например, почему самые, казалось бы, коренные жители Киевской Руси называются не русскими, а украинцами? Почему украинцы отличаются от новгородцев или вятичей? Отличаются не только внешне. Возьмите одежду, кухню, песни, танцы, постройки – все что угодно. Во всем отличия! И минимум сходства.

Русь и Украина явно не одно и то же. Естественного общения между ними не было, оно поддерживалось недолго, от силы до середины XIII века – лет семьдесят, – а потом прервалось. В 1620 году возобновилось. Но как?

Документы о «воссоединении Украины с Россией» показывают, что «воссоединялись» разные народы, которые даже языка друг друга не понимали, общались через переводчиков – толмачей. Например, в составе первого посольства Москвы на Украину во главе с Василием Бутурлиным были два переводчика: тюрк Билял Байца и Степан Кончинский. Ехали они в страну Украину, заселенную «иноземцами черкасами» (так на Руси называли иноземцев-казаков) и «литвинами» (то есть западными украинцами). Видимо, первые говорили на тюркском языке, а вторые – на одном из диалектов славянского,

который «русские» славяне не вполне понимали.

Трудно начинали два «братских народа» – с нуля. А смысл «воссоединения Украины с Россией» изложила Екатерина II в своей инструкции: «Надлежит легчайшими способами привести к тому, чтобы оне обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу»... Что это, как не колонизация Украины?

Гетманскую власть русские ликвидировали быстро, «чтобы век и имя гетманов исчезло, не токмо б персона какая была произведена в оное достоинство». Реформации (точнее – обезглавливанию) подверглась и Церковь «братского народа», ибо и в ней усомнились русские, их иерархи не посчитали людей «из литовской земли» своими единоверцами. Однако священников не разогнали, не лишили сана, а взяли на унижительных условиях к себе на церковные должности (Мацкевич и другие).

Точку в «союзе на вечные времена» поставил царь Александр II, который 30 мая 1876 года издал закон, запрещающий публичное использование украинского языка, печатание на нем книг, преподавание его в школах; даже песни, и те запрещались.

С тех пор украинский язык с каждым годом делался понятнее и понятнее для русского уха – «роднее» становились братья. А «ридна мова» (родной язык!) украинцев забывалась. Сегодня лишь гуцулы у себя на Карпатах сохранили ее. Это явный диалект тюркского языка, с «акцентом».

Так говорили на Киевской Руси.

Если у украинцев не тюркский, а какой-то иной корень, то почему их предки носили папахи, как турки, носили сапоги, шаровары, косоворотки, как турки? Почему пели такие душевные песни, как степняки, показывали зажигательные и выразительные танцы, как степняки? Почему конь для новгородца есть кляча, транспортное средство, не более, а для степняка (называйся он хоть украинцем, русским или кем еще) конь – это продолжение души и тела, его второе «я»?

Вопросов тысячи. Но все они об одном – об обмане народов, который давно стал нормой в России. Возведен в ранг государственной политики. Укоренился так, что никто и не отличит, где правда, а где ложь.

С «нового» начала – с XVII века – отношения между Россией и Украиной сразу и навсегда обрели двусмысленный оттенок: говорится одно, а делается другое. Москва уже тогда смотрела на жителей «козацкой земли» как на врагов, от которых, по выражению историка В. Н. Татищева, «многократно бунты и вредительские предприятия Российскому государству происходили».

Русские стремились поставить Украину «под царскую руку», а та сопротивлялась. Из-за различий в политической культуре два «братских» народа не понимали друг друга. И не доверяли друг другу. Об этом писали и Татищев, и Ключевский.

Разве не показательно, что после объединения Украины с Россией «ни единый гетман благополучно жизнь не кончил, ни одного гроба их в Малой России нет». А слово «гетман», между прочим, на тюркском языке (на родном языке украинцев!) означает «носитель духа», «носитель чести» народа! Он был как бы выборный царь.

И уж совсем отвратительно прозвище «черкашин», то есть «украинец», в Москве оно надолго обрело значение «изменник». Екатерина II в инструкции «главному Малороссийскому командиру» Петру Румянцеву так и писала: русский народ «привык оказывать не приметное к Малороссиянам презрение». Последние отвечали тем же.

Это чувство взаимной антипатии двух «братских» народов очень точно передал в XIX веке немецкий путешественник Иоганн Коль: «Отвращение, которое народ Малороссии испытывает к народу Великороссии, столь велико, что его можно справедливо охарактеризовать как национальную ненависть»[5 - Из подслушанного разговора: «Ты знаешь, як ци москали говорить “пыво”?» – «Як?» – «Пи-и-во!» – «Ненавыджу».]

Беспамятство – страшная болезнь. Ею страдает Россия. И не она одна. Известный французский историк Марк Ферро написал удивительную книгу «Как рассказывают историю детям в разных странах мира». Выясняется, о себе сочиняют все!

Это – общепринятая норма «официальной» истории.

В Индии, например, по мнению Марка Ферро, история лишена сущности, она мифична в своей основе. История арабов – это «история, нарисованная в картинках». Персидский вариант развития мира ставит Персию центром цивилизации на планете. «Армения, много раз терпевшая поражения, охотно возвеличивает свою историю, придает ей светлый образ мученичества». Едва ли не каждая страна рассказывает, оказывается, СВОЮ историю детям!

Так что упрекать русских политиков за это нельзя, они выдумали не больше других. Может быть, чуть больше.

Но не только детям интересна жизнь предков. Для народов России это живой вопрос, каждый культурный человек желает знать свои корни, историю, правду. Это естественные человеческие желания. Пока же у нас две истории, для двух братьев. Все хорошее и героическое – у старшего брата, а «поганое» – у младшего... Уж лучше беспамятство.

Иногда оно действительно лучше, чем знание. Оно как лекарство, которое лечит душевные раны народа. Особенно после беды, разрушившей прежний ход жизни. Говорят же, «для побежденных спасение одно – не мечтать о спасении».

Но потомков тех побежденных беспамятство, по-моему, делает невеждами. Добровольно забывать себя, истинное прошлое своих предков непростительно. Это – дорога в рабство. Ее и выбрала Россия, отказавшаяся от собственного «я», отсекая целые эпохи своей истории... Во имя чего такие жертвы? Зачем они ей?

Видимо, трагедия, устроенная русами, так напоминает о себе. Как незалеченная рана. Ибо нельзя забыть себя, нельзя с чистого листа начать новый народ. Не может быть русского, советского, американского или иного «нового» народа, собранного из десятка других: толпа, лишенная исторических корней, не народ.

Бог создавал нас не в угоду правителям. Народы мира отличаются не только внешне, не только культурой, привычками, поведением. Они отличаются еще и на генетическом уровне. Поэтому в семье у негров не рождаются китайцы или кумыки.

Антропологические, физиологические, биохимические и другие отличия присущи всем без исключения народам мира, они вне власти правителей. Так, например, белковый состав клеток ткани и кости у степняков-тюрок иной, чем у венедов,

вепсов и других народов лесной зоны. Природа степи как бы сформировала особый тип человека, со своим здоровьем, со своим мироощущением и главное – поведением.

В организме южан присутствуют гены, которых нет у северян. Отсюда (из биологических различий) проистекают различия в характере, физиологии, словом, в восприятии жизни.

Русские и украинцы всегда были разные!.. Они жили в разных природных зонах. То, что их называли славянами, еще ни о чем не говорит. Кровь в людях осталась прежней. Ее не меняли. Национальная культура тоже осталась прежней, ее желали изменить, но она не менялась и никогда не изменится: хохол, он и есть хохол. «Небесный человек».

Впрочем, эти биологические «сюжеты» интересны лишь географам, для историков они всегда оставались вне поля зрения, а в них ключ к разгадке многих тайн. Например, созданного политиками «народа», который отличается удивительным недружелюбием, агрессивностью, неуважением к своим собратьям, к соплеменникам. Примеров тысячи. Это смертоубийство у Белого дома и в Останкино осенью 1993 года. Это репрессии 1937 года, Гражданская война, дальше вниз по исторической лестнице через жесточайшее подавление народных волнений Пугачева, Болотникова, Булавина, Разина, стрельцов. Это и опричнина, и многое-многое другое, когда русский с удовольствием и даже сладострастием уничтожал русского же. Уничтожал сознательно, как врага, не чувствуя родную кровь.

Ни один народ мира – ни один! – не терзал себя так. Этим кончаются этнографические опыты.

...Конечно, не всем в России по душе то, что не вызывает сомнений в цивилизованном мире. Но правда на всех одна. Как бы патриотично не были настроены иные читатели, поверьте, не для их унижения писались эти строки. Мне стыдно в первую очередь за себя, за свое невежество, за беспамятство: не русы в IX веке «начали» историю России – моей Родины. Раньше началась она, намного раньше.

Киев не имел отношения ни к варягам, захватившим город и превратившим дату захвата в дату его основания, ни тем более к славянам, появившимся здесь в X

веке с колодками на шее и кандалами на ногах. Древние летописцы знали историю города, поэтому так старательно и вымарывали ее из летописей поздние правители.

В IX веке киевляне говорили на тюркском языке, ибо они являлись тюрками-кипчаками. Киев в переводе с тюркского «город зятя». Поселение возникло в V веке, было таможенным городом каганата Украина[б - Впрочем, не исключено, что название города все(таки идет от «кыя» или «кия». На тюркском языке – опять же на тюркском! – слово имеет значение «ограничивающий», «приграничный», «находящийся на границе». Возможно, оно точнее для названия города, который с V века стоял на реке и нес пограничные, таможенные функции. Он был северными воротами в страну тюрков – Дешт-и-Кипчак, один из каганатов которого назывался «Украина», что в переводе с тюркского означает «крайний», «находящийся у края».]. Его правители назывались каганами.

Точно такой же титул носили правители соседних каганатов – Аварии, Великой Булгарии, Хазарии, Волжской Булгарии, Сибири. Эти каганаты, как ныне области, составляли Великую Степь – страну, которая называлась ДЕШТ-И-КИПЧАК (Половецкое поле).

Степная страна появилась в IV веке, а не в XI, как пишут московские «летописцы», она – результат Великого переселения народов – просуществовала до XVIII века. Но даже название ее теперь не вполне понятно потомкам тех, побежденных степняков. Забыли! А это был южный сосед Руси.

Энциклопедический словарь дает крайне убогую справку о великой стране, составляющей почти всю территорию России: «Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь) – название в арабских и персидских текстах XI–XV веков степей от р. Иртыша до Дуная, от Крыма до Болгара Великого, где кочевали кипчаки (половцы). В XIII веке захвачена монголо-татарами. В XVI–XVIII веках так называлась только восточная часть (территория современного Казахстана)». Вот такие сведения.

Что ни слово, то ложь.

Даже «дешт» приписано иранцам. На самом деле «Дешт-и-Кипчак» – название с глубоким смыслом. Это не «степь кипчаков», такой перевод не в традиции

тюркской культуры. Слишком примитивен. «Дешт», точнее «дашта», в древности у тюрков означало «на чужбине».

Но могли ли степняки назвать свою Родину «чужбиной»? Звучит неуютно. Возможно, ключ к разгадке в неприметном «и», что затерялось в названии. Оно – отголосок древности и поначалу читалось «иситеп», то есть «согревшая».

В русском варианте получается даже красиво: «Чужбина, согревшая кипчаков». (В тюркском языке, правда, строй фразы ныне иной, но смысл тот же.)

Для кипчака нет слова роднее, чем «иситеп». Степь – согревшая Родина!

Окна в исчезнувший мир

Шапка Мономаха и шапка Казанская – точно такие же издревле носила тюркская знать, шапку надевали в торжественных случаях, она указывала на сословную принадлежность владельца

Печально знаменитый меч Людоты Коваля. Руническая надпись на нем после известной «реконструкции» была прочитана по-славянски: для чтения текст перевернули вверх ногами и дорисовали недостающее

Странная история у Великой Руси и у города Киева – пять раз переписанная, десять раз переделанная. Не история, а художественный роман с картинками, написанный на политической кухне в Москве. Но есть ли в нем хоть что-то, обойденное пером редактора? Чему можно безоговорочно верить?

Оказывается, есть. Следы правды сохранились, они – на видном месте. Ими пользуются самые горячие приверженцы «русской идеи», не подозревая ни о чем, разумеется. Следы эти – рисунки в летописи, они выразительнее слов. Но исправить их не догадался никто. «Летописцы» российской истории заботились все больше о тексте, о словах, а рисунки просто упустили из виду.

Книги академика Б. А. Рыбакова тому лучший пример. Они отличаются отменной полиграфией и обилием прекрасных иллюстраций, и в этом, пожалуй, их главная ценность. Там на летописных рисунках Древнего Киева изображены люди в кипчакских одеждах, в кипчакских доспехах, с кипчакским оружием, около зданий кипчакской архитектуры, сидящие на кипчакской мебели, пользующиеся кипчакской посудой. Лица людей типично кипчакские: широкие, скуластые. Иные с косичкой или оселедцем. Не спутать. Но автор, не задумываясь, называет их «русскими», даже не «украинцами».

Он будто не знает, что портрет человека, как и народа, создают по его вещам, по деталям быта, по лицам людей. Штриха порой достаточно. По сомбреро узнают мексиканца, по кимоно – японца... Так и кипчак, у него была своя национальная одежда! Предметы своего национального быта. Они хорошо узнаваемы. Они, собственно, и изображены на старинных киевских рисунках. Только слепой не заметит их.

Однако упрекать именитого автора в слепоте или в незнании азов трудно. Он прекрасно знал, что творил. Именно в глубоком знании существа дела убеждают его книги. Например, анализ Радзивилловской летописи, вернее, ее копии с иллюстрациями. Текст относится к XII веку, там десятки миниатюр – целое сокровище, ему-то и давал оценку академик.

Рыбаков, конечно, прав, утверждая, что перед художником «была более полная рукопись, богато иллюстрированная киевскими художниками». Наверняка была. Но вот почему ее текст исчез? Из рассуждений академика не понятно. Рисунки остались, а текст исчез. Рисунки «без текстового сопровождения опознаются лишь при ознакомлении с киевской летописью», пишет он. Как это? Как можно опознать то, что никогда не видел? Что давно исчезло? Оказывается, можно.

Значит, оригинал летописи не пропал? Значит, академик видел его?! Выходит, для кого-то киевские летописи сохранились, а для кого-то – исчезли. Интересную историю предлагают нам... Ее архивы с двойным дном, а люди – с двойной

моралью.

Впрочем, можно допустить мысль, что Радзивилловская летопись, равно как и другие рукописи, найденные в монастырях Северной Руси, была не копией, а переводом. В многонациональной Руси, с ее вечным двуязычием, это вполне допустимо. Однако тогдастораживает иное. На полках российского архива лежат лишь документы Северной Руси, написанные на славянском языке. А где летописные своды, выполненные глаголицей и по-тюркски? Утверждение, что их не было в природе, смехотворно.

Однoboкую географию древней России даже не скрывают. Будто на южных ее землях не было монастырей? Не было просвещенных людей? Не было городов?.. Новгород – хорошо, однако чем хуже Брянск (Биринчи, Брянечьск), который тоже упоминался в XI веке? Или Елец, Рязань, Тамбов, Саратов... Их культурные традиции куда более древние, нежели новгородские. Здесь Европа проходила «свои университеты», здесь черпали знания византийские и римские богословы еще в IV–V веках. Самые известные «доктора Церкви» были отсюда – из Великой Степи.

Конечно, рано или поздно заговорит Южная Россия, заговорит на родном языке, который фиксировала глаголица. Хватит ей молчать. Культурный пласт там колоссальный. Наши предки внесли огромный вклад в мировую культуру, почему его надо скрывать? В угоду кому мы не знаем о себе, о своей истинной истории? С X века, пишет Рыбаков, русские стали украшать летописи цветными миниатюрами. Еще одно тонкое наблюдение маститого ученого! Оно рассчитано на доверчивого читателя, который решит, будто до 997 года русские летописи цветными миниатюрами не украшались.

А были ли тогда русские летописи? Автор лукаво умалчивает.

Вот так, одной фразой, академик сознательно уводит читателя от важного и скрываемого: не было в X веке русских летописей, следовательно, нечего было украшать. Тот (дославянский и доваряжский) период Киева, вернее – Древней Украины, русских интересовал не ради познания истины, наоборот – ради ее сокрытия. Зарубежные исследователи не раз недоумевали, почему российские архивы будто вычищены от документов Киевской Руси. Например, М. И. Каргер в двухтомнике «Древний Киев» сокрушенно отмечал, что едва ли не все, найденное археологами в Киеве, куда-то таинственно исчезало. Словно сквозь землю проваливалось.

Скажем, находили захоронения в срубках, относящихся явно к довлдимирской поре, они были точно такие, как на Алтае, с конем, со слугами, с утварью... Но изучать их не начинали, говорить и писать о них старались меньше, а потом забывали. Будто ничего не находили.

Умалчивали даже о выдающихся открытиях мирового значения. Так, под южной апсидой Десятинной церкви случайно нашли прекрасно сохранившееся погребение. Когда-то там был курган, потом на нем возвели кирпичный храм, один из самых древних в Киеве и, возможно, во всем мире. Богатым было захоронение. На срубе коня четко различим орнамент, выполненный в традиционном для кипчаков зверином стиле (такие украшения не раз попадались археологам на Алтае). Были найдены равносторонние нательные кресты, принятые у тюрков. И многие другие находки. Но московским «летописцам» все это показалось неубедительным.

Даже тюркские рунические надписи на стенах древнего храма не убеждали их!..

Такое пренебрежение долго было традицией советской науки. Вот и академик Рыбаков явно предвзято пишет о киевских миниатюрах. Лукавит, как только может. В хрониках Древнего Киева, конечно, они были. Не могли не быть. Потому что для кипчаков зрительный ряд, рисунок, даже штрих считались добрым знаком. Они имели давние корни, были продолжением наскальных рисунков. Своих. Стилизованных. Тюркских.

Рисунки эти и сейчас на скалах Алтая, Южной Сибири, откуда пришли кипчаки на Днепр, на Дон, на Дунай. Мало того, рисунки остались на каменных памятниках, которых немало в Степи. Есть они на ювелирных вещах – курганных находках археологов. Не исчезли! Все на виду. Сравнивайте, изучайте. Но не хотят... Доктор наук Сослан Байчоров выпустил интересное исследование «Древнетюркские рунические памятники Европы», там много прелюбопытного. И это исследование осталось не востребованным, о нем мало кто знает.

Не прав Рыбаков, зарождение «русской» культуры, которое он увидел в рукописных книгах Киева, началось задолго до прихода варягов и до Киевской Руси: веками, тысячелетиями совершенствовалась эта культура на Алтае, в Великой Степи. И называлась она тюркской.

Летописные миниатюры X–XII веков дают зримое представление о жизни Древнего Киева. Например, оружие, облик зданий, воинские доспехи, головные уборы, мебель, одежда и другие, казалось бы, «мелочи» интересны сами по себе. Они и заставляют усомниться в том, что вещают не раз отредактированные тексты... И вправду портрет народа складывают по его вещам.

Оружие и доспехи тюркских воинов, найденные в курганах очень далеко от Киева, абсолютно такие же, как на рисунках в летописи. У «русских» славян оружие было другое, в чем опять же убеждают археологические находки: оно было для пеших воинов! Кипчаки же пешими не воевали.

Есть, честное слово, есть повод не только глубоко задуматься, но и очень сильно усомниться во многом. Сила в этих рисунках огромная – разрушительная! Она раскрывает глаза неподготовленному человеку, вселяет энергию и надежду.

Миниатюры Радзивилловской летописи – «окна в исчезнувший мир», как назвал их один из исследователей. Прекрасный образ. Если есть окна, значит, в них можно смотреть.

Сперва – на сюжеты рисунков, они тщательно отбирались, запечатлевалось самое важное, самое главное. В них, в сюжетах, видно отношение автора (или заказчика?) к тому или иному событию. Настроение художника тоже, оказывается, передается через века!

На Руси в годы ее «славянизации» летописным делом руководил князь Мстислав Великий, восседая в Великокняжеском скриптории – таком придворном издательстве.

Дело он поставил на широкую ногу, непокладистых монахов, которые не желали под его диктовку переписывать летописи, заменил покладистыми светскими людьми. А венценосный отец князя Мстислава набросал конспект будущей российской истории (помните, «Поучения...» Мономаха), послушный сын воплотил его замысел. Воплотил, создав свой, особый – русский! – стиль летописания и иллюстрирования.

Надо ли удивляться, почему летописи, равно как и вся российская история, с тех пор изобилуют только победами и подвигами, даже теми, которых не было. Все остальное просто не упоминается. Это и есть, увы, русская традиция.

Победы, как известно, бывают разные. Вот одна в изложении Н. М. Карамзина: «Г. 1095. Победы. Наконец Великий Князь и Владимир ободрили победами унылый дух своего народа... Вожди половецкие, Итларь и Китан, заключив мир с Мономахом, взяли в тали, или в аманаты, сына его, Святослава. Китан безопасно жил в стане близ городского вала; Итларь гостил в Переяславле у вельможи Ратибора». Но киевский князь пожелал воспользоваться моментом ради победы. 24 февраля, в глубокую ночь, русские, пробравшись в стан хана Китана, зарезали его, сонного. «Итларь, не зная ничего, спокойно готовился поутру завтракать у своих ласковых хозяев, когда сын Ратиборов, Олбег, пустил ему в грудь стрелу сквозь отверстие, нарочно для того сделанное сверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, был жертвою гнусного заговора, который лучшему из тогдашних Князей Российских казался дозволенною хитростию».

Если так поступали «лучшие из тогдашних князей», то о худших что и говорить...

Реалии жизни, от них не отвернуться. Они бывают желательными, бывают неприятными. С них начинается политика, которая и требует иного (выгодного властям) изображения жизни. Вот в чем проявлял усердие послушный сын Владимира Мономаха, переписывая страницу за страницей. Он был движим самыми благими намерениями, желал приукрасить лицо государства, наложить косметику. Собственно, это же усердие отличает и московских «летописцев», они тоже стараются в угоду клиенту. Но до князя им далеко.

Князь Мстислав мастерски шлифовал шероховатости жизни, умело маскируя морщины и морщинки. Первый Главный Редактор на Руси! Он придумал свой прием летописного иллюстрирования: к рисунку велел подрисовывать фигурки животных. И – в государственной летописи заговорила символика басен. Рядом с блестящими миниатюрами появились уродцы, выведенные неумелой рукой. Вот некоторые из них:

1111 год. Поход Мономаха на Северский Донец и Сальницу. Изображено конное войско, а рядом всадник копьем убивает змея, символизирующего половцев, то есть кипчаков.

Тот же поход. На полях – убегающая собака, в которой видятся опять же убегающие кипчаки.

1112 год. Сын Святополка победил ятвягов. На полях дорисован побитый медведь как символ Литовского Полесья.

1120 год. Торки и берендеи напали на Русь и бежали. Дорисована пугливая обезьяна.

1127 год. Мстислав послал войска на Полоцк. Сын его, Изяслав, пленил князя Брячислава. Дорисован кот, поймавший мышь.

1127 год. Половчане выгнали князя Давыда, неугодного Мстиславу. Дорисован уходящий медведь, на которого воин замахнулся мечом.

1132 год. Юрий Долгорукий вероломно захватил Переяславль, после чего Ярополк выгнал его. Дорисован лев, на которого воин замахнулся двурогой дубиной, употребляемой при ловле зверей. (Лев был покровителем Юрия и его потомства.)

Новое «русское» слово поражало не примитивностью, а изощренной хитростью. Дорисовки били без промаха – в пользу князя Мономаха. Они задавали тон общественному мнению на века вперед. Ведь и пугливая обезьяна, и кот, поймавший мышь, конечно, не продвинули бы вперед летописание, но эти ясные и дерзкие символы работали.

От эзоповского языка басен правители Руси отказались после смерти князя Мстислава, а от традиций тюркской книжной культуры – нет[7 - Чтобы не быть голословным, лишь напомним, что слово «книга» – тюркское, буквальный перевод – «в свитке», «в рукописи»]. Но ее уже называли «русской». Хотя ничего не изменилось. Например, городок на миниатюре по-прежнему изображали четырехгранной башней, которую отличала та или иная узнаваемая деталь, некий символ города, его герб. Воинов рисовали всадниками с кривыми восточными шашками... Все они стали русскими.

Правда, вместо звериных образов на полях появились человечки. Они заговорщически таились на краях страниц – вроде бы неприметные, а участники событий. Таковыми и были в жизни сами русы – неприметные руководители и вдохновители событий на Руси, режиссеры и идеологи, умело таящиеся за кулисами политического маскарада. Таковы они всюду, чужие правители при чужом народе: вроде бы и рядом, а не вместе.

В рисунках Радзивилловской летописи много загадочного. Порой неясно даже, кто есть кто. Все одинаковые. Художник будто не заботился о внешних отличиях воинов, об иных деталях своих рисунков. Цветом ли, одеянием ли, но воины должны отличаться, все-таки они – враги, представители разных культур. Однако этого нет! Одинаковые.

Неувязка? Вроде, да. Но... раскопки курганов дали неплохой материал, чтобы представить себе внешний вид тюркского воина, его оружие. Образ воина-степняка известен задолго до его появления на страницах летописи. Образ русского воина тоже известен археологам. Так что сопоставить их нетрудно. Это по силам даже ребенку.

Профессор С. А. Плетнева, специалист по степным народам древней России, в одной из работ отметила: «В большинстве мужских захоронений вместе с покойниками помещали коня со сбруей и оружием. Обычно до нас доходят только металлические части этих категорий предметов: железные удила и стремяна, подпружные пряжки, железные наконечники стрел, сабельные клинки. Кроме того, почти в каждом погребении мы находим железные небольшие ножички и огнива. Все перечисленные предметы отличаются необычайным единообразием размеров и форм. Эта стандартизация характерна для кочевников всей европейской степи вплоть до Урала. Изменение типов этих вещей происходило всюду почти единовременно. Все это позволяет заключить, что в зимних становищах у половцев (как и у других степняков) было неплохо налажено кузнечное производство со своими традиционно степными приемами и критериями».

С доводами Плетневой не поспорить, они безоговорочные: в Степи царствовала культура, отличная от иных культур мира.

Вот он – портрет степного народа! Вот оно, лицо исчезнувшего Дешт-и-Кипчака!

Разумеется, черты этой культуры показали и другие ученые. Профессор С. И. Руденко, например, блестяще исследовал курганы Алтая и написал настоящую научную поэму об орнаментах, которые в изобилии покрывали иные находки.

Практичные тюрки, оказывается, не просто так украшали свои шашки, пики, шлемы, кольчуги, сбруи коней. Орнамент означал принадлежность хозяина вещи тому или иному роду, он служил меткой. Подчеркивал единство рода. У тюрков

орнаменты никогда не менялись. Потому что несли ин-фор-ма-цию! Каждый род имел свой орнамент.

Оригинально и талантливо расшифровал эту информацию чувашский ученый А. А. Трофимов, на удивление наблюдательный человек. Он установил, что в орнаментах предки шифровали слова и фразы. А мастерство художника позволяло придать руническим письменам витиеватый вид узора. Исследовав вышивки украинцев, казаков, болгар, чувашей, Трофимов прочитал их и сделал неожиданный вывод: еще в глубокой древности орнаменты выполняли роль визитной карточки человека и народа. В них была не просто красота! А красота, понятная только своим: тайнопись.

Вот главное назначение тюркского орнамента, служившего меткой «свой – чужой».

Узнав подробнее о тюркской культуре, убеждаешься, что на миниатюрах из киевских летописей куда чаще изображались тюрки. Славян или русов там почти нет! Их легко отличить. У русских было иное оружие, иная одежда – все было иным, что и доказали Плетнева, Руденко и другие ученые, правда, не называя тюрков тюрками.

Археологи не обнаружили в местах поселений славян следов кузнечного ремесла, подобных тем, что были у тюрков. Но академик Рыбаков в своих книгах с гордостью упоминает о мече, выкованном русским мастером. Меч якобы принадлежал Святославу. Почему он так решил? Руническая надпись на лезвии явно противоречит его выводам, она указывает на истинного хозяина...

Может быть, славяне и делали мечи, но они, просвещенные Кириллом и Мефодием, явно не писали на них рунами.

А вот с другим мечом, на котором руническая надпись сохранилась лучше, академик Рыбаков полностью оконфузился. Он, «реконструировав» текст, проще говоря, подрисовав его, по-русски прочитал надпись: «Людота Коваль». При этом повернул текст вверх ногами, чтобы удобнее читалось. И заявил: меч изготовлен русским оружейником... Нет-нет, это не цирковой номер, это исследование крупнейшего советского историка, равносильное самоубийству.

Он сделал вид, будто не знал, что ремесленнику не разрешили бы осквернять оружие своим именем. Только великим мастерам позволялось ставить личный знак – тамгу. На лезвии предки писали божественные заклинания!

И если надпись на том мече не «реконструировать», как Рыбаков, а честно прочесть тюркские руны, то перевод выглядит так: «Коварный замысел срази! Злые козни уничтожь!»

...История оружия – интереснейшая тема, она не терпит фантазий и ждет своего исследователя, который очистит ее от всех этих «людот ковалей». Ждет его и история конницы, войска древних тюрков. Только тюрков! Вот каких русских конников увидел Лев Диакон, описавший нападение русов на Византию в 971 году: «Воины Святослава в первый раз показались тогда на конях, но не умели править ими».

Подобные наблюдения ставят в тупик: а как же – без коней – русские в 965 году победили Хазарию? Как, не зная азов джигитовки, воевали против всадников? Трудно, наверное, им было... Это все равно что с вилами идти против танка.

А русские ли стояли под знаменем Святослава в его походе на Итиль (Волгу)? Не выступили ли в союзе со Святославом болгары?.. Вопросы, вопросы... Что-то явно не так записано в российской истории. Что? Не понятно. Возможно, ответ на эту очередную загадку и прост: Семендер (столицу Хазарии) громили свои же, тюрки, а русские приписали себе чужую победу. Увы, и такое бывало в богатой российской истории, уж очень неправдоподобно легко давались иные победы. Прямо-таки «пришел, увидел, победил».

Не исключено и другое. Вообще не было никакой войны! Хазария погибла от природного катаклизма: большое несчастье обрушилось на каганат, река Итиль (Волга) поменяла русло – устье ушло далеко на север. И в богатой Хазарии начались засухи, голод, которые решили судьбу каганата... В любом случае Святослав был явно не главным лицом в тех событиях.

Им, русам, запрещалось садиться на коня, об этом сообщает варяжская сага о рыцаре Орваде Одде. Он – первый из скандинавов сел на коня и в поединке с кипчаком потерпел поражение. Тогда-то варяги, любители морской войны, придумали сагу о рыцаре Одде и его коне. Она, эта сага, вошла в русскую историю, правда, вместо рыцаря Одда в ней фигурирует князь Олег, а так все

полностью совпадает, даже змея, выползшая из черепа убитого коня. Кто у кого заимствовал сюжет? Вопрос не для дискуссий: Одд – русский герой V века, тогда варяги первый раз увидели всадников Аттилы.

Князь Олег (который в жизни был Хельгом) умер иначе, его смерть никак не связана ни с конем, ни со змеей. «Вещий Олег» – литературное произведение, но почему-то принятое многими за героический эпизод русской истории. А это – расхожее заблуждение. Как и то, что всадником мог стать любой. Нет.

Чтобы иметь конное войско, нужно вырастить не одно поколение всадников. В киевском войске воевали не славяне, которые не умели сидеть на конях, а кипчаки. Они. Жители каганата Украина, украинцы. Русы, захватив Киев, стравили тюрков, и началось братоубийство. Брат пошел на брата: один под русским флагом, другой под своим родным. Это и показывают летописные миниатюры. Вот почему воины нарисованы одинаковыми – и тюркские, и русские.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/murad-adzhi/polyn-poloveckogo-polya/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Пусть простят меня предки, ведь по кумыкским обычаям я не имею права называть полным именем старших. Но как иначе рассказать нашу историю?

2

Его именем названа Махачкала, бывший порт Петровск, столица Дагестана.

3

Слово «Скифия» у греков было собирательным, скорее географического оттенка, чем исторического или этнографического. Так называли земли, лежащие к северу от Черного моря, и народы, заселявшие их. Греки «по своему невежеству» (выражение Н. М. Карамзина) именовали кельтами и скифами не единоплеменные (!) народы, а все население остальной Европы – Западной или Восточной.

4

«Академики(поденщики)», в очередной раз переписывая историю России, охотнее обращались к летописным мифам, чем к документам, и истина отступала перед воинствующей партийной публицистикой, разоблачающей все и вся, даже то, что бесспорно. Пользуясь монополией на информацию, деятели от науки, подобные академику Б. А. Рыбакову, прививали читателям чувство ложного патриотизма, насаждая невежество путем придумывания новых мифов. Не хватало своих легенд – охотно обращались к легендам и мифам соседей. Чего

стоят, например, ссылки на армянские легенды, якобы доказывающие время закладки Киева. Однако не все русские ученые так далеко зашли в своем «творчестве». Академик В. Л. Янин в 1994 году, когда цензурные путы только(только ослабели, писал: «Главный источник знаний о событиях IX–XII веков – летопись, но она сохранилась в редакциях более поздних столетий, а ее основа, написанная в начале XII века, изобилует легендарным элементом, еще более усиленным позднейшим редактированием... Отсюда проистекало как бы удвоение мифологического элемента: к легендам летописи добавлялись легенды, созданные исследователями».

5

Из подслушанного разговора: «Ты знаешь, як ци москали говорят “пыво”?» – «Як?» – «Пи-и-во!» – «Ненавыджу».

6

Впрочем, не исключено, что название города все(таки идет от «кыя» или «кия». На тюркском языке – опять же на тюркском! – слово имеет значение «ограничивающий», «приграничный», «находящийся на границе». Возможно, оно точнее для названия города, который с V века стоял на реке и нес пограничные, таможенные функции. Он был северными воротами в страну тюрков – Дешт-и-Кипчак, один из каганатов которого назывался «Украина», что в переводе с тюркского означает «крайний», «находящийся у края».

7

Чтобы не быть голословным, лишь напомню, что слово «книга» – тюркское, буквальный перевод – «в свитке», «в рукописи».

Купити: <https://telnovel.com/murad-adzhi/polyn-poloveckogo-polya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)